

18+

Михаил Дорошенко

КОРИДОРЫ СУДЬБЫ

Михаил Ильич Дорошенко

Коридоры судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56558938

ISBN 9785005113030

Аннотация

«Автор постоянно заводит читателя в дебри Орнамента, оставляя его там одного на растерзание тамошних красавиц, ибо Красота является главным объектом исследования. Мы в Элизее, но не в том фрагонарово-бушеподобном, коим нас потчуют в альбомах, а в подлинном, если в отношении Небытия можно говорить о некоей подлинности. (...) Он видит не то, что есть вокруг, а нечто совершенно иное. (...) Созерцатель, одним словом!» Олег Серов

Содержание

Предисловие	5
Геамант	8
Коридоры судьбы	30
Девушка с хрустальными глазами	78
Янтарная комната	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Коридоры судьбы

Михаил Ильич Дорошенко

Дизайнер обложки Яна Дорошенко

© Михаил Ильич Дорошенко, 2022

© Яна Дорошенко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0051-1303-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Визуальная проза Владимира Д, от лица которого ведется повествование, может быть представлена и как цикл рассказов с общим названием «Коридоры судьбы», и как роман «Пентамерон» – по количеству глав, и как поэма «Пятигорск».

В настоящий цикл включены следующие тексты: «Геамант», «Коридоры судьбы», «Девушка с хрустальными глазами», «Янтарная комната», «Звонок из Лондона», впоследствии растворившийся в тексте «Созерцателя». «Мишура» отдельное произведение, написанное позднее.

Произведения Владимира Д требуют для своего прочтения Особого Читателя. Предлагаемый текст «визуальной прозы» – по определению моего гипотетического соавтора – предназначен для тех только редких читателей, которые привыкли к созерцанию окружающей действительности сквозь инокюляры Рембо-или-По.

Предисловие написано с тем, чтобы заранее отсеять ненужного Книге читателя.

«Мое искусство не принадлежит народу!»

Д менее всего интересуется Местная Действительность. Нестерпимо скучно было бы изображать людей такими, какими они есть на самом деле – ныне! Кукольнику, однако, нужно где-то размещать своих марионеток. Можно было бы

расквартировать их всех в Гишпании, но на всех персонажей ее не хватает. Вот откуда современные реалии во внеисторической прозе Владимира Д.

Преобладающим мотивом «Коридоров» является нелегальный переход границы. Дореволюционеры отправлялись в Париж за Ностальгией – горьким лекарством от Скуки. Для любителей старинных цепочек (Панцирного Плетения, скажем), – это единственный способ приобретения оных. Ибо местные мастера (Уайт-Черепановы) не справляются с задачей воссоздания такого изысканного предмета, как цепочка для часов дореволюционного образца. Народ отравлен лицемерием некрасоты – им же содеянной.

Китайское «Д» моего псевдонима постоянно совлекает меня с Проторенного Пути – вводит в Прелесь. Д изложил мне идею создания своего романа всего за две недели. Я едва успевал записывать уже готовые фрагменты его «Нечеловеческой комедии». Из россыпи словесного бисера возникли сюжеты восьми повестей. Пять из них стали основой для написания сего «Пособия по лунатизму».

Во избежание болезненных последствий заранее предупреждаю не обольщаться рекомендациями, изложенными в рассказе «Геамант». Советы чудотворцев не пригодны для применения их в Жизни. Они приводят к исполнению желаний только тех, на кого непосредственно пал выбор геоманта. Не путайте литературу с жизнью!

Необходимо также запомнить, что Ге-а-мант – это имя,

а ге-о-мант – профессия. Нечто вроде астролога.

Геамант

Раскинув руки в стороны – «Оп-ля!» – блондинка с блестящими во взоре шубу сбрасывала на пол, словно сирена или лебедь перья, на освещенной сцене появляясь девой. Вначале она выставляла левую ногу, которую звала Харибдой, а затем уже правую – Сциллу. Как в полонезе приседая, она в манере клоунессы представляла своего застенчивого протеже:

– Геамант – геомант – или – Гамлет! – голубовато-серые заморские слова.

Барбара или Барбарелла! Преподаватель Прелести-и-Пантомимы. На ней, как знамя, развевались зеленые из бархата бермуды, в оранжевых она была ботфортах и в черной треуголке с красной окантовкой. Эбеновая трость в руке. На шее – лента, а на пояснице – бант. Звенели шпоры, хрустел паркет, а по колену бряцал на золотой цепи свисающий с плеча брегет.

– Милочка, ты выглядишь, – сказала Барбара хозяйке, разглядывая в зеркале свой глаз, – как будто генерала проглотила. Так говорят сейчас, а через час уже другое. Черепаху, например.

Лепному ангелу на потолке она, входя в гостиную, представлялась:

– Привет, амур! Я – амурея!

Хозяйского сербера с мордой Квазимоды и манерами Ка-

зановы приветствовала:

– Чесць!

Она, не глядя, бросала треуголку в сторону, а трость, как шпагу маршал Валленштейн при сдаче Бреды, вручала хозяйину – известному художнику Пустодиеву:

– Микаэль! От взгляда в бездны ваших панорам у меня серебро оседает в моче, а в почках... изумруды выпадают. Мое приданое. О, Боже! Очередной шедевр! Где мой лорнет? Сейчас посыпятся полтинники из мочевого пузыря. «Индустриальный фа-авн». Позвольте, так это же обыкновенное окно! Что за урод там на плакате? Прошу прощения, нет, не урод и не окно... тогда же что? Так это ваш авто-в-окне-портрет-фото!? Вы – гений, Мика! Бесподобно! Не можно глаз отвесть. Мой папа самых честных правил, тогда как я... наоборот!

Она изобразила лебедя... или ворону... отбила чечетку, сделала реверанс и вновь произнесла заморские слова:

– Хеаман... хема или... ха-ха, а где же Хамлет?

Он поскользнулся на паркете и упал, сверху на него свалилась вешалка. Вазу он успел схватить, пожертвовав очками.

– На эту вазу, Барбара, при всех необходимо сесть и... помочиться, – изрек невозмутимо Геамант. – На утро сбудется мечта!

Не теряя времени даром, Барбара поставила вазу посреди комнаты и под аплодисменты присутствующих исполнила обряд.

Приведя условия исполнения следующего ритуала, особенности коего из-за отсутствия приличных эпитетов привести невозможно, Геамант провозглашал:

- ... и много лет достанется везения в любви.
- Сколько? – осведомлялась деловая Барбара.
- Нескончаемое количество нимфе Первого Шага...
- А-ха-ха, – завияляла Барбара по своему обыкновению

бархатным задком.

– ... и по году нам, смертным, – обводил он с четверть круга рукой, так как уже научился не делать широких жестов.

По возвращении домой Барбара повалила Геаманта в подъезде на кафельный пол и претворила... «Наконец!» ... действительность в мечту. «Или наоборот!»

* * *

Детство Геаманта прошло в Пятигорске, в этом южном Петербурге северного Кавказа.

Здесь кто-то невидимый днем и ночью играет на струнах Эоловой арфы, гора Змейка ползает по ночам, а соседняя – Верблюд – ходит даже днем, если следить за ней с электрички. Аллея Дворцов в Пятигорске вьется по склону Машука от церкви св. Лазаря – к – Провалу.

Геамант любил бродить по улице рококоидного городка в тумане. Он забирался на акацию, растущую неподалеку от Провала, и с вершины гигантессы любовался огнями ве-

черного Пятигорска, разговаривал с птицами и набирался мудрости у звезд, как и подобает начинающему астрологу.

Воздух на юге, как сухое вино. Однажды он заблудился на пути вниз. Колючки стали впиваться ему в спину, как кинжалы заговорщиков, и он, спасаясь от гибели, вернулся на вершину и провел между небом и землей всю ночь. Под утро, когда он начал спускаться с дерева, из сероводородного озера вынырнула, а может быть, ему это приснилось, вооруженная арбалетом арбалина, как он назвал ее впоследствии. Геамант стал карабкаться вверх, испуганно оборачиваясь на прозрачноватую ундину. Стрела вошла в естественную щель и поразила Геаманта в Судьбой намеченную цель.

«Как если бы арбаэлина наступила на душу шпилькой каблука!»

Он проснулся с подарком неба на руке. Серебряный дракон с крылатой нимфой на спине обвивал его руку хвостом. Надпись на браслете сообщала имя: «Геамант». По-другому его уже никто не называл.

С тех пор он и стал прорицателем, вернее – предлагателем:

«Кто прыгнет ночью при луне в Провал, тот самым сможет стать богатым человеком в мире!»

* * *

Геамант предлагал всем взглянуть в лорнет из горного

хрусталия и рассказать об увиденном, чтобы затем с мягкой улыбкой на лице провозгласить: «Нет, вы не правы», – и преподнести пламенистую версию своего витражного видения, отличного от обычного.

«В Бештауском парке, – начал я, встретив коварного лорнетиста в Пятигорске впервые, – где обитают веера или витают зеркала, если смотреть на лес в лорнет горнохрустальный...»

Он вырвал у меня из рук лорнет и разбил, как злая королева зеркало Правды.

«С вами все понятно», – сказал он с раздражением, но быстро остыл, и мы разговорились. Он признался, что духовные дальтоники вызывают у него раздражение, а конкуренты иновидения – озлобление и зависть за «гнусную способность» прозревать в стекле Неправды то же, что и он; быть может, – хуже, но иное, что не ему принадлежит. Так что выхода для человечества или подхода к Геаманту не было.

* * *

Трагедия мастера Судьбы состоит в том, что его наставления с интересом выслушиваются, но не исполняются – не принимаются всерьез, как стихи или цветы.

Восемь национальностей смешалось в его беспокойной крови. Показывая под тонкой кожей на висках голубоватые

венки (река Индиго), похожие на иероглифы, он утверждал о синеве кровей, за что получил по носу и был разоблачен.

Отец Геаманта бил в барабан на похоронах, а в ресторане играл на скрипке. Любовниц называл вуалехвостками, себя – козлотуром, а дворовых сплетниц – пейзажками. Он исчез, когда Геаманту исполнилось три года. С тех пор появлялся только на спиритических сеансах. Семью с того света называл тюрьмарием, а оркестр – бестиарием.

* * *

С некоторых пор Лиза Кримкранц начала расписывать ширмы, зонтики и веера, которые делала из шелка мать Геаманта.

Все вечера Лиза проводила перед зеркалом в безуспешной попытке отыскать следы смазливой амуретки, какой она была в семнадцать лет – всего один сезон, а в следующий — безобразно располнела.

Она долго не поддавалась на уговоры Геаманта забраться на Машук и там...

Наконец, он подрядил приятелей отнести печальную хохотушку на вершину в театральном паланкине.

– Найдешь там то, чего я сам не знаю.

В пещере висело седло. Лиза взгромоздилась на него, реализовав тем самым поговорку о корове на седле, и дернула за черный шнур. Воздушный шар, скрывающий провал над

головой, начал резко подниматься. Лиза схватилась за канаты. Седло накренилось, и она полетела. Орала она так, что на церкви св. Лазаря зазвенел колокол.

– Снимите меня – умираю! Спасите меня – улетаю!

Влетая в низко висящее облако, она замолкала. Два часа ее носило над городом. Наконец, ей удалось зацепиться за верхушку тополя, но самостоятельно слезть с него не смогла. Пожарные от хохота уронили из пены облаков рожденную Венеру на лужайку. Но!

Переживание пошло Лизе на пользу: она похудела. Женихи повалили толпой, привлекаемые славой отважной воздухоплательницы и рассказами о не-о-бычайной красоте верев, которые новоявленная ариэлина расписывала райскими цветами.

* * *

«Если точно выполнить инструкцию (напоминает "инкрустацию"), – заявлял Геамант, – с изнанки нашего земного Бытия (что означает быт-и-я) можно извлечь запретный плод рассеянной Судьбы. Необходимо в семь-восемь лет (в девять уже поздно) вытянуть за цепочку часы из кармана в толпе у болвана и... много лет везения в нешахматной игре с названием старинным Жизнь!»

Серебряный брегет со знаком Табу под спиралью. В витках спирального узора угадывалось стремление массивной

луковицы воплотиться в раковину. Заморская вещица! Для описания изображений золотых на циферблате потребовалась бы целая глава, как для щита Ахилла в «Менеладе».

Несовершеннолетний «арес» держал в руке нож, гипнотизируя «гада» блеском, а малолетний «гермес» часы срезал. «Трамвай сорок пятого года» – название унылого рассказа в дождливом «Октябре» или прием для обозначения времени действия.

Приятель Геаманта выловил часы из шелковистой тьмы карманного небытия и принес их домой, за что получил ремня от отца. В тот же день он выменял часы на пистолет, расстрелял из него мебель, запугав родителей насмерть, как и подобает сыну Хрона – последствия словесных игр с хронометром – пистолет поменял на гранату (лимонка Кулибина), бросил ее в инкассаторскую машину на Машуке и в Пятигорске прошел деньгопад. С тех пор ему во всем везло, и его прозвали Чемпионом Удачи.

* * *

– Кто стукнет, – утверждал Геамант, – молотком по отцовским часам, тот остановит время... на некоторое время... и можно будет делать все на свете, а не только в темноте.

Испытатель Времени на Прочность повесил серебряный блинчик с отпечатком циферблата себе на шею и к исходу получаса выловил из воды придворного фонтана тридцать

золотых монет, но вскоре все их растерял. С тех пор тем и жил: выходил с утра на улицу и через час набирал мелочи на две бутылки портвейна, хотя в начале своей кладоискательской карьеры ниже червонца не опускался нагибаться.

* * *

Геамант, спасаясь от гибели (поэты гибнут там, где прочие тупеют), бежал из Пятигорска в Москву, где некоторое время переживал смертельную опасность в местном университете.

За «добрый совет» примерять перед сном погоны Сталина (в музее ныне фальшивые) Мерцалов придумал для него затейливую статью для освобождения от армии в своей Кузнице Гефеста, ибо методы лечения в психиатрической клинике могут сравниться с работой молотобойца, а не часовщика.

Страх перед армией заставил Геаманта постоянно менять место жительства даже после того, как опасность миновала. Так он попал самой ранней весной в месяце, который бывает раз в сто лет между мартом и апрелем, в Коктебель.

Полудрагоценные камни валяются на пляже в Коктебеле под ногами – как в пещере Аллядина. Сердоликовым соком наливаются плоды шиповника в августе, а прозрачные халцедоновые кинжалы нарастают в феврале на карнизах крыши и скал. Есть место на Карадаге, где сосульки растут остриями вверх, как сталагмиты.

Доменик! Она появилась в Коктебеле в облике Доменик Санд (двойник Доменик) в марлевом платье в стиле Ретро, опережая лет на десять моду. Нижнего белья она не надевала, а потому любила стоять на скале под ветром. Создавалось впечатление, что местные жители ее не замечают или делают вид, а когда какой-то старик ее остановил пристыдить, она ему:

– Я на вас в суд подам.

– На-ме-ня!?! – прижал кулак к груди протак.

– Нет, на крымский ветер, старый дуралей! – и на него взглянула так, что он задергался весь вдруг и деру дал.

В местном зале киногрез как раз шел «Мюзидоры взор» – французский вздор. Пробегая мимо, старик плюнул «подноги» в сердцах, заметив на афише Доменик.

На пляже она оставляла на себе лишь босоножки и шляпу. Невидимые змейки под покровом волны подползали к ее ногам, оставляя на гальке полупрозрачные яйца – розовые, желтые и голубые.

Нежнокожая блондинка с кукольным лицом Мальвины приезжала на автобусе из Ялты. Страницы (от слова «странные») поднимались по тропинке в гору и там, над обрывом, отворачивались неожиданно и так... спина-к-спине... стояли молча с полчаса. С раскрытой книжечей в руках – роман

Жорж Санд (по-видимому, так звали блондинку), а Доменик с бинокликом на ручке театральным для обозрения горных панорам.

Доменик провожала приятельницу назад, подталкивая ее под круглый зад настойчивой рукой: загорелое – на голубом, а когда подсаживала в автобус, щипала ее так, что голубоглазая «мальвина» в окно (две пятерни, глаза и губы), словно сквозь дождь смотрела. Слезы!

Однажды на пляже перед Доменик остановилась женщина настолько красивая, что даже спокойное до сих пор море заохало от изумленья. Высокая стройная брюнетка с вороном на бархатном плече. Она бросила к ногам сидящей на шезлонге Доменик толстенную пачку кредиток, сняла с рук искристые перстни и присоединила к пачке. Потянула за нитку жемчужных бус – жемчужины рассыпались с рыпением по камням. Вслед за ними – слезы. Рывком разодрала на себе платье до пупка, а в нем алмазный полумесяц и звезда. Тыльной стороной ладоней к Доменик, пальцы растопырив с яркими ногтями, повторила жест блондинки за окном автобуса из Ялты.

Доменик вынула из пачки пару бумажек, а остальные выбросила в море. Красавица из иноземной сказки упала на колени, обнаруживая на спине парчевого дракона, перевернутого вниз головой для обозрения в подобной позе и... зарыдала. Доменик ее за волосы – как Дита голову из Гебра сладкопевца – бесцеремонно подняла, в глаза рассеянно взгляну-

ла – так смотрят на часы – и уронила на песок. Перешагнула через Женщину-в-Бархатном-Платье-с-Драконом-на-Спине и удалилась. Сдирая с себя бархатную черноту, прекрасная незнакомка зашла в море и исчезла под водой.

Яркое пятно на фоне бледной синевы – апельсин. В руке Геаманта. Он подбрасывает и ловит его.

– Хотите, я научу вас летать? – обратился он к Доменик.

– Сколько будет стоить обучение?

– Для дамы вашего положения...

– Или пошиба, хотели вы сказать. У меня и рубля не найдется. Но я могу провести с тобой ночь. На том и сочтемся. По рукам?

– Честно говоря...

– Неважно – что-нибудь придумаем на ходу. В венецианском стиле или флорентийском. Пальцы моих фантазий проникают на любую глубину, сказал Пьетро де Аретино своей жене Пьеретте... де Арлекино или... наоборот. На побережье всех морей не найдется женщины, способной превзойти меня в искусстве пронизательного взгляда! – она перехватила оранжевый плод на лету и выбросила в море.

– Что нужно делать?

– Необходимо дождаться заката.

Она забралась на указанную Геамантом скалу и дернула за ленту на плече. Марлевая фикция мгновенно слетела с нее. Платье медленно, словно вытканное из воздуха-пуха-и-паутины, спускалось со скалы. Геамант попытался

прозрачную птицу поймать, но она вспорхнула неожиданно вверх и улетела с порывом ветра в море.

Доменик сняла чехольчик с японского автоматического зонтика (большая редкость в те годы), прицелилась, нажала на кнопку – распустился перепончатый парус – и полетела, увлекаемая потусторонними ветрами. Она сделала несколько кругов над скалой и улетела с серебристым смехом, словно ведьма, в закат, не исполнив обещанного. Больше ее никто не видел, как если бы она была подставной уткой с того света или лебедем для ободренья провидея.

* * *

Барбара первая рассмотрела Геаманта в лорнет и пригласила пройтись с ней по набережной.

Грета попыталась заполучить Геаманта целиком – он был в нее как будто бы влюблен. На террасе Сумеречных Встреч в Ялте она билась в истерике о край мраморного столика головой и сломала (так что пришлось платить), но успеха не добилась. Геамант своим мягким голосом успокаивал ее, не притрагиваясь, ибо достаточно было легкого поглаживания, чтобы хищная и красивая Грета обратила руку целителя в лапу обольстителя.

– Красивая, нет спору, – заявил после ее ухода Геамант, – от ста до тысячи рублей за пять минут, а за секунду три рубля выходит – в таких пределах шлюха! – и он указал на ма-

стера стихосложения и тот, словно метафорическая машинка, сразу же и включился.

– Нельзя простить распущенной Эльмире того, что в целомудренной Элизе – венец поэзии и чистоты.

В одну из бессонных ночей, когда красавица Грета вдруг обмякла и заснула беспробудным сном беспутницы, Геамант воспользовался невинностью спящей, но, может быть, происходило все наоборот, что могла исполнить только Барбара.

Сороколикая и многопозая Барбара, прежде чем что-либо сказать, изображала – наглядный урок пантомимы, которую она преподавала в школе изящного жеста имени Леды-и-Лебеда.

– Когда количество моих любовников достигло тысячи, – сообщала она своим клавесиновым голосом, – начались пожары в Москве, а когда дойдет до десяти... тысяч!.. рухнет Вавилонская башня в Останкине!

Барбара присвоила Геаманту титул Законодателя Астральных Мод, придворного Подсказывателя-и-Предлагателя и ввела его в средний свет – на Чердак Общества.

* * *

Неудобства человеческого ради – власти – не разрешают художникам занимать под мастерские чердаки домов, в которых они проживают, а только в других – подальше.

Мика не растерялся: под чердак он подвел квартиру – по-

менял ловкач.

Рисовальщиком Пустодиев был неплохим, но видеть он мог лишь то, что за окном: там был пустырь с красным пятном телефонной будки на фоне плаката его собственной работы. Плакатных дел мастером он был «в миру», а в мире искусства слыл сюрреалистом.

Витринная живопись Пустодиева имела успех у неискушенной публики. Денег он зарабатывал почти столько же, сколько малооплачиваемый краснорабочий в Италии, что по нашим масштабам – богачей. Прекрасная жена и породистая собака, но вот только за границу его как-и-всех не пускали. Геамант посоветовал ему плевать в зеркало. Мика поплевал и съездил в Италию. Поплевал в привезенное из Италии венецианское зеркало и съездил в Америку.

Геамант забыл его только предупредить, что из венецианского отвечают... вишневыми косточками.

* * *

Лорхен наступила на руку прохожего, поднимающего гривенник с тротуара. Первая не успела добежать и схватить. Не отнимала ноги до тех пор, пока не пришла в себя и не смогла выдохнуть:

– Мое!

Она своими пальцами Мидаса все в деньги превращала, к чему бы ни касалась, и даже на расстоянии.

– Хотите, я покажу вам кое-что такое, – сказала она, незаметно заглядывая в записку Геаманта, – чего вы видели, быть может, в жизни раз, да и то только в детстве. Соберите по рублю!

Вывела гостей на балкон и широким жестом указала на звезды:

– Смотрите! Половина вселенной...

– Четверть, – тихим голосом поправил ее Геамант.

– Половина! И даже больше! Всего за рубль. Пользуйтесь!

Ее отец, известный в Одессе процентщик Брик, был зарублен сумасшедшей старухой еще в молодости. «Мамхен», чтобы выжить «в этом страшном мире», пришлось продавать все с себя (в-три-дорога) и все вокруг, и всех на свете. Оставленный покойным Бриком миллион она поделила с восьмилетней Лорой пополам, но уже через три года, предоставляя ей за бешеные деньги стол и приют, все выудила. Чтобы продемонстрировать дочери преимущество иметь деньги от... не иметь их, до четырнадцати лет держала ее на хлебе и воде. Лорхен была очень благодарна мамхен за науку. Уже через год она сумела сколотить себе новое состояние: не самым трудным, хотя и не самым нравственным способом.

Лорхен Брик в «мире искусства» слыла высокооплачиваемой проституткой.

Геамант переселился в ее салон-притон, который он называл Кукольным Домиком, после ухода с чердака Пустодиева.

В Кукольный Домик приходили Дневные Красавицы по-

лусвета (жены дипломатов из Мидии-и-Эмведеи). Геамант управлял ими, как Гамлет замком Эльсинор.

– После трех кружек пива необходимо в дублинке или шубе обмочиться перед памятником Лермонтова (однажды собака Пустодиева его облаяла: должно быть, дух Демона привиделся), затем зайти в Дом Кино и продержаться там (тара-рам!) для получения богатого мужа хотя бы час.

Итальянец был в восторге от подобной истории. Он непременно хотел познакомиться со смелой русской женщиной Эллионорой Брик.

Свадьбу сыграли в поместье Бриков в Одиссее.

* * *

Гвидо Гверро дель Венециано из Венеции занимался кинематографом-литературой-и-коммерцией. В Италии он был уже полузабыт, так как сам того не желая, подкрадывался на цыпочках к шестидесяти годам, а в России – полужнаменит. Талантливый мастер стихосложения боролся в его душе с бездарным коммерсантом. В Москве у Гвидо разгорелись глаза на возможность получения дохода от одного только своего присутствия в качестве иностранца.

Продувная бестия Гвидо (сын стеклодува), пользуясь незнанием русского языка, брал в дар все то, что в руки ценного дают – взглянуть – в гостях. Лора переводила на язык светской снисходительности воровские выходки своего му-

жа и дело улаживалось ко всеобщему удовольствию, если не считать вытянутых физиономий невольных дарителей. Лора и Гвидо рыскали по стране, как пираты, в поисках необлагаемых налогом ценностей, обещая взамен пострадавшим от набегов все что угодно: от бритвы Мираж-Ятаган до автомобиля Оппель-Грифон, коих и нет в природе. Если не помогало, Гвидо садился на пол и бил руками по паркету в припадке отчаяния:

– О, мамма миа!

– Пожалейте! – стыдила Лера упрямцев. – Бессердечные вы люди... ведь он-же-ребенок. Мы вам вернем через неделю. Ему только пожить вещью дня три, перевести ее в поэзию, скопировать красоту... и все.

– С приветом, Гвидолера! – писали они из Италии.

Никому, кроме Пустодиевых, надувалы не исполнили обещанного. Гвидо устроил рекламу Пустодиеву и тот выставил свои «куртины» в эфир на космический холод, вернув тем самым уродству стихию. Жюри капподокийского телевидения наградило Пустодиева, которого «оно» спутало с внуком Кустодиева, опалесцирующей диковинкой – автомобилем Феррари.

За очередную поездку в Италию Мике пришлось съесть шеститомник Энгельса – с черной икрой, а Кике проглотить размером с яйцо опал, который в желудке у нее пропал.

– Пускай благодарит меня за то, – сказал Геамант, – что я не предложил ей проглотить флакон с мочой Мерцалова. Ей

повезло. Он взял бы за свои духи тысячи три.

Геамант отправил сотни людей за границу, но сам он не мог перейти даже призрачного рубежа стеклянной двери ресторана без проводника. Он вынужден был исполнять роль наводчика у Лорхен, которая в награду проводила его в закрытые для людей низшего сословия заведения. Гвидо обещал взять его с собой в Италию, но разрешение на выезд – это не билет в Большой Театр на премьеру валютного спектакля, куда его также не брали с собой надувалы – обманывали.

* * *

Мечта Геаманта съездить в Италию однажды исполнилась, хотя и без его непосредственного участия.

Главврач сумасшедшего дома Мерцалов с готовностью откликнулся на его предложение осуществить три желания съедением Желтого Знамени.

Мерцалов раздобыл ритуальное тибетское знамя с черным иероглифическим драконом на оранжевом фоне из тончайшего китайского шелка... но!.. с бахромой и кистями. Он использовал первое желание на проталкивание знамени в желудок – целиком! Второе ушло на переваривание несъедобного шелка в желудочном соке. Третье желание изъявил оживший в желудке дракон. Он приказал Мерцалову занять для личного пользования копию запрещенного фильма

Зарины Мнишек «Нечаянные чары».

Мерцалов выкупил единственный позитив запрещенного фильма, спрятал в сейф и обещает показать только тому, кто заплатит пять тысяч рублей за сеанс.

Зарина Мнишек была дочерью ссыльного польского офицера и бывшей наложницы бухарского эмира. После окончания института Искусств Всех Видов ей удалось в театре Ретроскоп при сумасшедшем доме поставить пьесу Ненормана «Траур идет Инспектре», а в театре Паузы-и-Позы его же «Самаркандскую девственницу». «Первая пуговица», «Перси Пэри», «Шелест шелка» и «Тонкоталийная Тина» были разыграны на сцене домашнего театра Мерцалова.

Модная портниха, напуганная рассказами Геаманта о пристрастиях Зарины, цепенела во время примерок от ужаса. Однажды Зарина зачерпнула шелковую воду китайского платья портнихи в ладонь и устояла в шелкнувший лорнет на золотую лилию, плавающую в голубизне. «Ну, началось!» – подумала портниха. Она раскрыла рот, чтобы закричать, но не решилась. Спасаясь бегством, портниха нырнула в омут серебряных часов, оброненных Орфеем на ковре. Она находилась в полете с полминуты, но успела долететь до Итаки, сплести ковер и выйти замуж за Аполонена. Когда она пришла в себя, Зарина хлопотала над ней с флаконом духов Эротик, пытаясь привести ее в чувство.

Геамант уверял ее в том, что Зарина сделала свое дело... «Духи даром, что ли оставила?» ... и перевела стрелки всех

часов в мире на полчаса назад.

«Чего не может быть, – скажет привередливый читатель. – Не может в Поднебесье воплотиться ковер Аполонепи Никог-да!»

Генеральная репетиция пьесы Ненормана «Шум пламени» стоила театру Паузы-и-Позы здания. Зарине предложили уехать за границу или вернуться в сумасшедший дом к Мерцалову, где она отбывала наказание за «Нечаянные чары». Уже через полгода она сняла в Италии фильм «Человек с зеркалом вместо сердца».

* * *

«В конце 18-го века в салонах венецианской знати появляется секретарь бухарского посла Терезий. Он проявляет необыкновенные способности в искусстве ядовитой эпиграммы. Обаятельный пакостник покоряет Венецию. Во время отъезда посла из Венеции он надевает женское платье и вопреки запрету отправляется на карнавал. В салоне дома Гвидо Гверро его принуждают к совершению унизительного обряда посвящения в члены тайного общества Элизейские Поля. Без гипнотической поддержки посла он в состоянии произнести всего три слова по-итальянски: "Меня зовут Терезия". В результате рокового поединка с некогда осмеянной им актрисой Ариэллой де Ля Рокк незадачливый секретарь приобретает способность проникать за изнанку действитель-

ности. Из зарослей узоров волшебного ковра он возвращается со светящимися текстами пророческих стихов на лице и груди...»

* * *

На обложке красочного проспекта итальянская актриса Арабелла де Ля Рокк, исполняющая роль Ариэллы, представляла в одних только чулках полупрозрачной черноты и бо-соножках – на длинных тонких каблучках. В рисунке узоров ковра просматривалось очертание уходящего в глубину человека.

«Как если б Ариэлла наступала на душу шпилькой каблучка!»

На другом снимке из зарослей узоров того же самого ковра всплывало лицо похожего на Геаманта актера. Это дало повод Геаманту утверждать, что он был похищен неизвестными лицами и отвезен под гипнозом в Италию, где сам того не ведая, снялся в роли сомнамбулы в фильме Зарины Мнишек. Но ему не запомнилась Италия, а жаль. Обидно – побывать в Венеции и не увидеть ее.

Коридоры судьбы

Мало кому известно, что в середине шестидесятых годов в Кисловодске под видом съемок фильма «Сцены из старинной жизни» функционировало казино. Участники съезда подпольных миллионеров развлекались в нем по вечерам.

В дальнем уголке парка был выстроен стеклянный павильон. По вечерам вокруг Дворца Правонарушений выставлялись музейные лампы для отпугивания любопытных. С террасы скалы Замок Снов создавалось ощущение, что лилипуты выставили свои лампы вокруг алмаза великана напоказ. Ламповый ландшафт. Если любопытный осмеливался войти в огненный лес, – выпускался охотничий сокол.

Участники располагались в креслах вокруг бассейна, из которого вытекает Хрустальная Струя – гордость кисловодского парка.

Бил ликерный фонтан, играл клавесин, танцевал арлекин. Каждый должен был взять напрокат – рубль минута – камзол.

Искусство для искусства. «Лунные олухи» – так называли друг друга участники, тогда как крупье предпочитал величать их господами.

– Покупаем кольцо у прелестной... милочка, как вас зовут? Арабеллочка! Господа, сюрприз! Звезда итальянской сцены и съемочной площадки Арабелла де Ля Рокк. Поапло-

дируем даме, господу. Изумруд с бриллиантом с пальца красавицы. Бросаем пятьдесят тысяч рублей в воду. Проглатывает Черный Корсар. Пять тысяч рублей за выстрел из арбалета Арабеллы. В желудке Золотой Феи – опал, в Серебряной Субмарине – золотой портсигар. Предупреждаю: стрелять только по выбранной рыбе. Выстрел по Лунному Ныряльщику (самая крупная рыба: легче попасть) стоит тысячу. Выигрыш – пять. Ставки сделаны. Прошу, господу! Ибо здесь поистине все господу. Не так ли?

Ровно в полночь начиналась игра в рулетку, карты и маджонг.

– Приз... мил-ли-он! – провозгласил крупье, указывая левой рукой на иллюзию луны в воде, правой – на иллюзию луны в небе и снова левой на плавающую в воде черепаху, инкрустированную бриллиантами, или золотой галиот с самоцветными парусами.

Турмалин Вечернее Солнце воздушный шар уносил в ночное небо... зрелище не для слабонервных... дом демонстрировал свое бескорыстие. Шар, конечно же, вылавливался охраной.

– Арабелла де Ля Рокк! – провозглашал крупье. – Императрица красоты! Женщина стоимостью в миллион. Выигрывает тот, кто платит больше. Аукцион любви!

Арабелла! Порождением ночного неба казалась она в своем усыпанном алмазной пылью платье из черного бархата. Залив ее выреза углублялся на юг за пределы пупка, столь

курьезно глубокого, что можно было поместить в него жемчужину размером с голубиное яйцо. Перевернутый вниз головой дракон просвечивал фосфоресцирующими точками под кожей на спине.

– Приз Арабелла выигрывает наш гость из Эльдорадо. Пятьдесят миллионов рублей за ночь. Самая дорогая женщина в мире. Бриллиант Слеза Великана предлагает нам победитель вместо денег. Поаплодируем Чемпиону Удачи, господа!

* * *

Если собрать все выбитые Чемпионом зубы, то набралось бы на несколько ниток бус – для модниц или дикарей.

В пивном баре у вокзала в Кисловодске на... «Иди, мальчик, отсюда!» ... десятилетний Чемпион ответил тремя выстрелами из смит-энд-вессона. Мраморная столешница разлетелась на куски, и доктору Кутузову, стоящему за соседним столиком, осколком пивной кружки попало в глаз, но не живой, а в тот, который был уже выбит – на войне. Кисловодские боевики были покорены. Он завораживал своей волей любого. Не было препятствий на его пути.

Отпечатки пальцев у Чемпиона Удачи менялись каждые полгода. Излишняя предосторожность судьбы. Перебор в везении.

От вокзала к Нарзанной Галерее в Кисловодске тянутся мелкие лавочки с курортными безделками из папье-маше. За витриной ювелирного магазина братьев Росс сияло самоцветными плодами райское дерево, но после революции оно завяло. Над улицей возвышается Театральный Замок, где лицедеи вторят неправде жизни, превращая ее в правду переживаний.

В ответ на шипение Габи... «Какой прекрасный коньяк за витриной! Недосыгаемый, – жаль!» ... Чемпион, не обращая внимания на стеклянную (хрупкую, в сущности) преграду, пузатую амфору за узкое длинное горлышко выудил на ходу.

Помахивая бутылкой, Чемпион проходил, не достаивая толпу даже взгляда назад, по улице, ранее называемой Зеркальной, а ныне Воровской, вернее Конфискаторской. Заметив мои удивленные глаза в зеркале, он предложил присоединиться к «скромной трапезе».

В сосновом бору над обрывом услужливый мажордом разложил – уже – мшистую скатерть на камне из бархата. В парке было по-осеннему тихо и безлюдно. Габи куда-то исчезла, но вскоре явилась с букетом бокалов в руке.

– Кто ты? – спросил меня Чемпион.

– Кто я?

– Да, ты! Что ты умеешь делать? Кто ты? Чем занимаешься?

– Я, подобно Ли Бо, пишу стихи, обмакивая перо феникса в росу.

– Вино, воровство и вирсавки, – ответил, не задумываясь, Чемпион на встречный вопрос и указал левой рукой на бутылку, правой – на Кисловодск и снова левой – на Габи. – Мне все позволено. Хочешь, столкну эту гадину в пропасть?

Он вынул из руки Габи бокал, поставил его на камень, подвел, слегка подталкивая ее под зад, к обрыву и столкнул вниз – в пену бешенства речного божества. Падая вниз, она уцепилась за ветку ивы, покачалась на ней и полезла наверх. Когда ее лицо показалось из-за края обрыва, я вспомнил, что видел ее на афишах. «Габриелла Габи! Женщина-змея!»

Габи сделала заднее сальто и вновь полетела в шелестящее море осенних листьев.

– Вечереет, – сказал Чемпион, подавая ей руку, – красивое слово. Что скажешь? – вновь сталкивая ее вниз, обратился он ко мне.

– Чай в сумерках разливают на веранде в теплой тишине.

– Ну, а что ты скажешь о Габи?

– Осинный рой в стеклянном шаре.

Страх-и-трепет изображала Габриелла, ползая по красному стволу сосны змеей.

– Если встретишь где-нибудь Габи – беги. Глаза выцарапает за сегодняшний урон.

В коньячный столик по сигналу Чемпиона с зубовным скрежетом преобразалась Габриэлла из-за любви к утехам с мира сильными сего.

Чемпион рассказывал историю своей жизни. Невероятная удачливость преследовала его по пятам, но он предпочитал ускользать от Фортуны, а не гнаться за ней, как все прочие. Однако и он был недоволен судьбой.

– Как и все, я – смертен и не могу летать.

* * *

Женщина в черном бархатном платье, усыпанном блестками, словно ночное небо звездами, прогуливалась по улице Неотразимых Взглядов в Пятигорске.

Чемпион остановился, изумленный нечеловеческим очарованием ее лица, но сразу же заметил в ней изъян. Ей было отпущено красоты больше, чем может вынести человеческое естество.

Войдя вслед за нею в подъезд, Чемпион застал ее в классической позе поправления чулка. Красная полоска подвязки на обнаженной ноге, звездная блеска застежки, черная дымка чулка – в сочетании с двойным покачиванием за вырезом склоненной феи лунных полусфер. Перевернутый вниз головой дракон сверкал парчовой чешуей на бархатной спине.

Всеми своими ромбами в витраже окна ухмылялся – казалось – червовый король.

Чемпион выхватил из кармана часы и швырнул их вместе с цепочкой в окно. Разноцветный оборотень вместо того, чтобы развалиться мгновенно, зашевелился всеми своими ромбами. Стекляшки просыпались, как в калейдоскопе. Промелькнула дама пик, выглянул из-за веера арлекин и выпал джокер, наконец. Витражный покер.

Чемпион обернулся, но ее уже не было в подъезде. На полу осталась ее перчатка, а когда он нагнулся ее поднять, обнаружилось, что она изображена на кафеле.

В стекле витража не было ни единой трещины.

Чемпион провел несколько дней в раздражении, вспоминая аморфный вид незнакомки. Через год, когда он постепенно стал забывать черты ее лица, она вдруг отворила дверь его московской квартиры. Но он вынужден был отвести ее в психиатрическую клинику, где его уже ждали. Главврач сумасшедшего дома Мерцалов пригласил Чемпиона к себе в кабинет, а сам удалился, чтобы через минуту, разрывая обои, выйти из стены.

– Шутка! Желтый юмор... с кем поведешься... сами понимаете. Мерцалов... Хуан Карлович или наоборот, – добавил он, указывая на себя в зеркало. – Ваша дама – само очарование, но она вечно появляется и исчезает незнамо куда. Ариэлла де Ля Рокк – сестра известнейшей актрисы.

Мерцалов пригласил Чемпиона к столу и выставил перед ним тарелку с золотыми монетами.

– Угощайтесь! Не стесняйтесь, берите, сколько хотите.

– Слишком доступно, скучно.

– Алмазы привлекают глаз любимой? Да? Нет, женщина неизлечимо больна. Вас еще можно вылечить, а ее уже нельзя.

– Лечить меня? – удивился Чемпион.

– От скуки! Шутка! Похищение Европы... скатерть-карта кисти Боттичелли всех пороков... или кварцевую вазу из запасника музея в Пятигорске. За сто тысяч. Не хотите?

– Как же вы доверились, Кал Гуаинович, первому встречному, а?

– Во-первых, вы – второй, а в третьих... по глазам определяю. Знаки Зодиака знаете? Бросаем шапку Мономаха за забор со злой собакой и с опасностью для жизни вынимаем – по рукам?

Через неделю ваза поблескивала на столе у Мерцалова – сквозь целлофановый мешок, словно в тумане. На улице шел дождь. Ночь плакала от восхищения, заглядывая призрачным лицом в окно.

Сквозь заросли узоров из цветка
лик божества губами тянется
в хрустальной дреме к поцелую.

– Дорогой Чемпион, ваша находка бесценна. Самый богатый человек в мире отдал бы за нее все свои сокровища. Подумайте перед тем, как согласиться на сто тысяч.

– А если я эту красотку разобью? – сказал Чемпион, ука-

зывая на вазу тростью.

– Куплю осколки. По сту рублей за штуку.

– Ну, а если я отдам вам ее даром? А, Зерцалов?

– Ловлю на слове! А вам в очередной раз повезло. Я обычно деньги облучаю. Два-три часа поносите в кармане и готово – белокровие. Шутка, конечно же, не лишенная, впрочем, злого умысла.

– Откуда вы меня знаете, Карл Хуаинович?

– В казино я выступал под маской. Первое место по удачливости занял.

– Припоминаю. Впрочем, в каком казино?

– В том самом, в котором мы с вами года через три встретимся.

– Какое же место я занял там, где мы еще только встретимся?

– Вы проигрались в-пух-и-прах!

– Не может быть.

– Дорогой Чемпион, я не могу ненапакостить. В чем-нибудь да соврну. Профессия обязывает. Вы, несомненно, займете первое место.

– Вы, кажется, психиатр, не так ли? Как мне избежать удачливости?

– В любви? Игре? Делах? В искусстве, наконец?

– Во всем. Наползает, как удав на кролика.

– Скорее, – на тигра.

– Вот это меня и пугает.

– Тигр пугает или «дав»?

– Пожалуй, «или».

– Тогда веер... или зонтик. Раскрывайте и закрывайте рыбам на смех перед сном.

– Вот вам еще загадка, – сказал Чемпион, показывая Мерцаловц часы, – как в детстве в руки мне попали, так не могу отделаться от них. Все время возвращаются назад.

– Аналогичный случай. Люблю чужое больше, чем свое. Кстати, о зонтике – нужная вещь. Ничто в мире не произносится на ветер, который дует на веер.

Мерцалов взял часы, отстегнул цепочку и опустил ее в мусорную корзину, а увесистую луковицу бросил в зеркало.

– Приглашаем на спектакль к нам в Сумдом, – сказал Мерцалов и широким жестом указал на образовавшуюся в зеркале дыру.

* * *

«Наблюдение за поведением заката сквозь бокалы с шампанским!» – так назвал свой праздник Чемпион. Он восседал во главе стола в плетеном кресле с овальной спинкой. Под аплодисменты собравшихся была прочитана неизвестным стихоплетом сочиненная к празднику поэма непатриотического содержания. В ней преобладали оскорбительные намеки на всех-и-вся.

«Не клей в лицо, – сказала
рожа петуху, – не то я в луже
утону". – "Ку-ка-ре-ку! Я в
циферблаты глаз твоих плюю!»

Прославлялась также левитация. К концу прочтения поэмы «Откровения верблюда» над головой Чемпиона с шипением разросся призрачный гриб, постепенно наполняясь гелием.

Чемпион вознесся в небо вместе с креслом и полетел над морем с бокалом шампанского в руке.

Ночь наступила по-южному быстро. Золотистая рыба заката – казалось – разинула пасть и проглотила его вместе с шаром внезапно. В фиолетовой утробе ночи было прохладно. Мерцали своды звездной пылью, плескались дельфины в невидимой воде.

Вскоре Чемпион сел на палубу французского корабля, и через несколько часов был в Стамбуле.

* * *

В министерство финансов обратился однажды внук известного в свое время купца Елисеева с предложением открыть местонахождение клада в одном из магазинов своего деда. Но сделка не состоялась, ибо предприимчивый иностранец настаивал на скромных двадцати пяти процентах

«наградных», а министр финансов Крохоборов – на грабительских пяти процентах «дармовых».

Крохоборов привлек к поискам клада Мерцалова и тот указал на санктпетербургское отделение фирмы Елисеева. Зданию магазина был нанесен непоправимый ущерб, но поиски не увенчались успехом.

Через некоторое время Чемпион под видом Елисеева вновь предложил свои услуги, повысив размеры наградных до сорока процентов. На большее Мерцалов не решился – знал, с кем имеет дело.

Елисеев-младший вел себя хамовато – просил милостыню на паперти Казанского собора, в ресторане Астория заставил оркестр играть «Боже, царя храни», пел белогвардейские песни и расстреливал из бутылок с подогретым шампанским агентов Отдела Пауперизации. В магазине, где живого уже места не осталось, он указал тростью на массивную люстру из чистого золота, выкрашенную бронзовой краской, заявил: «Мое!» – и под зубовный скрежет Крохоборова свою долю сокровища увез, разбрасывая на Невском золотые монеты в толпу.

За операцию Чемпион получил свои сто тысяч долларов, а Мерцалов – очередную награду.

Мерцалов вложил деньги в швейцарский банк с том, чтобы на спиритическом сеансе в подвале своего Дома выпросить у Духа таинственную цифру – номер счета, по которому можно получить миллион.

Крохоборов лично наградил его седьмым по счету орденном Знак Почета.

* * *

Мердин в свое время доверил Мерцалову воспитание своего сына. Мердин-младший пробыл у Мерцалова два года. Вскоре после выхода из больницы он опубликовал на западе роман «Судом», что означало «Суд-Содом-и-Сумасшедший-Дом».

Роман начинался со слов Мерцалова:

– Это кле-ве-та! Это клевета, господа!

В первой главе рассказывалось о том, как наследник князя Воронцова ездил в Париж за получением наследства – коллекции старинного фарфора. Предварительный экзамен, разыгранный агентами Отдела в Будапеште, наследник князя не выдержал и был отправлен в Судом.

Мерцалов с двумя гипнотизерами сопровождал больного в Париж.

– Мы вас предупреждали, – заявил Мерцалов, когда раздались удары трости по фарфору, – субъект невменяемый.

Наследник разрезал осколком фарфора чемодан, в котором его увозили на родину для продолжения курса лечения, и в Западном Берлине выскочил на ходу из поезда. Он рассказал свою историю со страниц газеты «Пари Дельф», на что Мерцалов заявил:

– Это кле-ве-та! Это клевета, господа!

Мерцалов с удовольствием приводил цитаты из романа, но всем прочим от пересказов подобных историй советовал воздержаться, намекая на то, что его коллеги из Отдела Пауперизации разбивают не только фарфоровые вазы, но и косяные черепа. Себя же он причислял к Неприкасаемым.

* * *

– Уж не сын ли покойного Добродеева? – спросил Чемпион, располагаясь в кресле.

– Он самый, – признался следователь О.П.

– Знавал вашего папашу. Большой мерзавец был. Чему вы удивляетесь? Может, я что-нибудь напутал? Тот самый, который под поезд попал в Пятигорске? Женщина... записывайте!... цветы продавала на вокзале. Он ее за это стал бить по лицу. Она упала, а он ее ногами в живот. Записываете? Я его придержал за плечо, а он мне свой документ предъявляет. Чинишко у него был помельче вашего, а рожа понаглей. Ну, я и выбросил удостоверение в кусты. Он почему-то испугался. Как будто с документом сила у него ушла... легенду об Антее слышали? Сомневаюсь! Откуда ни возмись – электричка. Папаша ваш на ней и уехал... на воды... полечить грехи. Целительные в Стиксе воды, говорят. Я его не толкал, он сам от меня шарахнулся и... судьба! Вернее: не судьба. Между нами говоря...

– Одну минуточку, – сказал Добродеев-младший, направляясь к выходу из кабинета. Но в ту секунду вокруг шеи у него обвилась длинная серебряная цепочка с шаровидными часами на конце. Удивлению Добродеева не было предела. Чемпион усадил его на табуретку в неудобной для следователя позе – спиной к сидению – и наступил ногой на грудь.

– Называется «притянуть к ответу». Вот и отвечай, шельмец! Собственно говоря, я – от папаши. Скучает по тебе. Есть способ навестить. Предлагаю разыграть билет. К сожалению, в один конец. Вот тебе мой Смит с бесшумной насадкой, чтобы никого не беспокоить. Оставляю в барабане два патрона. Стрелять по разу. Даю фору: первый ты в меня стреляешь.

Клац! Клац! Клац! Бах! Клац! Бах!

– Что ж ты, милоч, правила нарушаешь? Хорошо еще – патроны холостые попались, а то бы застрелил. Вкладываю всего один, но настоящий патрон. Внимание! Открой глаза, не жмурься: главное упустишь.

Отмахиваясь от наведенного дула, Добродеев начал урчать нечто такое, что в переводе с утробного на общедоступное означало сакраментальное «не надо».

– Не надо, так не надо, – сказал Чемпион, снял ногу с груди молодца, спустился вниз, ткнул охранника пальцем в горло вместо пропуска, сел в машину Добродеева и поехал к Мерцалову. Ему захотелось узнать, для чего тот потратил сто тысяч на испуг своего коллеги, который в результате стал

калекой.

– Меееня! – с обидой в голосе заканючил Мерцалов. – Доктора медицинских наук, кавалера множества орденов! Педерастом обозвать! Подполковничешко...

– Майоришко.

– Тем хуже для него. Наглец! Я – генералиссимус в своем роде! Перестарались, жаль. Он ничего уже не сможет понять.

* * *

– Какие оригинальные у вас очки, – сказал Чемпиону таможенник, – впервые вижу. Наверное, только входят в моду?

– В моду?! Не всякому по карману подобная мода. Обратите внимание: окуляры с алмазными стеклами!

– Алмазными? Что это, гранение такое или стекла так называются?

– Нет, настоящие алмазы. В часах тоже. Контрабандные.

– И откуда такие «алмазы», – усмехнулся таможенник, – вывозятся, так сказать?

– Алмазы сибирские, гранение пятигорское, а контрабанда сейчас, так сказать, в настоящий момент, происходит. Из вашей алмазы вывозятся... как ваша страна называется? Всегда забываю.

– Счастливого пути.

* * *

Я слушал рассказ об очередном приключении Чемпиона и, пародируя его необычайную удачливость, собирал на ходу металлические рубли, как грибы, в разных местах кислородского парка разложив их тут и там предварительно. На одном из поворотов рассказа Чемпион остановился, раздвинул тростью растущий над обрывом куст сирени и выудил за цепочку висящие на ветке часы.

– Дарю! – сказал он, небрежно цепляя серебряную черепашку за хвост. Но она соскользнула с кончика трости и упала с обрыва в ручей. Я выудил ее из воды, однако цепочки на ней уже не было.

Стоимость брегета в несколько раз превышала разложенные мною сокровища, а собранный урожай составил лишь половину посеянного.

* * *

Толстый важный турок в сопровождении двух музыкантов – для престижа – торжественно шествовал в пыльном облаке рассказа по рынку сонного Стамбула. Жестом поднятой руки он остановил барабанную тарабарщину и устоялся на чудо: неограниченные алмазы поблескивали на грязной

тряпке под ногами. В пыли.

Чемпион пытался продавать их по два доллара за штуку, но успеха не имел.

Муаровый турок отдирижировал короткий туш и осведомился на ломаном английском о цене на «стекляшки». Ничем себя не выдавая, «клоун» поднял драгоценные кристаллы, презрительно побрякал на ладони и, небрежно бросив на разложенную тряпку, вякнул: «Итизфарэкспенсив». Не упустил возможности выторговать несколько долларов за покупку кучки оптом. Как бы нехотя взял, но не выдержал – одной рукой хватаясь за сердце, другой сжимая в ладони прозрачную гальку ценою в миллион, побежал под разбойный русский посвист, от которого сыпятся листья кислотного парка, такие же пестрые, как и деньги константинопольского рынка.

* * *

В лондонской «Грин Стар» (Зеленая Звезда) Чемпион прочел сообщение о том, что в Неаполитанском заливе выловили неизвестного вида рыбу с перламутровой чешуей. В ее желудке находился мертвецки пьяный человек по фамилии Марков.

В «Пари Дельф» было помещено объявление следующего содержания:

«Даю уроки левитации. Ариэль Робб-Грибос».

В комнате агентства сидел старик в старомодном сюртуке. На стенах висели объемные фотографии. Радостные молодые люди демонстрировали на них чудо парения в воздухе. Над столом висел близнец мерцаловской вазы.

– Заранее предупреждаю, – заскрипел старик на ломаном английском вперемежку с прекрасным французским и старомодным русским, – очень дорого. Не всякому по карману, а тем более – по карме. Тридцать тысяч фунтов стерлингов за урок. Всего два урока и вы – на небеси!

Перекрестившись, он указал на висящую в воздухе вазу.

– Деньги потом. Необходимо вначале вступить в клуб астронавтов Персей. Это рядом – через дорогу. Позавтракайте там в последний раз, если еще не ужинали и приходите ко мне. Внесите вначале пять фунтов вступительных и три за билет. Только вот сдачи с сотенной у меня не найдется. Премного благодарен! Да, кстати, а вы летать умеете? Мы обучаем только тех, кто уже умеет летать. Правилам левитации. Если вы хотите выйти из клуба, то можете получить свои вступительные назад. За беспокойство удерживаем из ваших восьми фунтов пятерочку. Чаевые не в счет, если вы не возражаете?

– Кто-нибудь закончил вашу школу, мистер Грибос Ариэль?

– Меня зовут Габриэль на самом деле. Не буду вас обманывать – никто. Реклама дороже обходится. Дражайший, пожалейте старика, угостите рюмкой коньяка. Я расскажу вам

историю моей жизни. Она поучительна. Я – русский и этим все сказано. Гаврила Грибов – негоциант. Прошу любить и жаловать! Хотя на самом деле я до революции еще был никем, а после оной стал ничем. Угостите водочкой, мусье.

Чемпион не только угостил его водкой с икрой, но и купил ему впридачу ресторан Персей, в котором Грибов служил привлекалой.

– А как же ваза? – вспомнил Чемпион в один из приездов. – Она на самом деле висела?

– Висела, проклятая, – ответил Грибов. – Висела – висела и улетела. Ведьма стеклянная. Спать из-за нее не мог – сны одолевали. Пустое дело эти бабы. Двадцать рюмочек водочки перед сном, вот это – куафюра!

* * *

Парижский гипнодел всегда был шикарно одет. Элегантный обаятель имел лицо симпатичного Квазимоды. Незаменимый в нелегальных делах чародей умел завораживать не только живую плоть, но и электронную. Раздвигая тростью толпу, он вывел Чемпиона с территории аэропорта безо всякой визы и они сразу же отправились в архив.

Но в секретном архиве О. П. Человек-Который-Проходит-Сквозь-Стены и проводит еще всяких проходимцев (от слова «проходить») с собой, вдруг растерялся. Чемпион выкрутил ему руки и повел по коридорам, подталкивая кула-

ками под ребра. Мсье попытался Чемпиона усыпить, но безуспешно.

Чемпион получил в досьерне все необходимые для совершения очередного чуда сведения и при ментальном содействии насмерть перепуганного проводника из Гадеса беспрепятственно вышел, словно Одиссей или Орфей.

* * *

Шефом Чемпиона в начале его карьеры в ОП оказался Григорий Челюга.

С приходом нового референта Челюга сразу же пошел в своей карьере в гору, а вместе с ним и Чемпион.

Вскоре после переезда Чемпиона в новый кабинет к нему явился такой же дураковатый, как и Челюга, полковник. Он предложил «информировать».

– Меня посылают в особых случаях. Высокое доверие... ценим!... оказывают, – и он поднял палец в знак политической важности своей персоны, которая имела специфические складки на лице – на высших уровнях все надувают щеки для важности, и кожа обвисает к пятидесяти годам. По рассказу индюка выходило, что он принадлежит к предпоследней степени посвящения в государственные секреты.

– За кого вы меня принимаете? – сказал Чемпион, подталкивая его к двери. – Степени неважно какой, но не ниже генерала, как на свадьбу, присылайте болвана.

– Все! Все кончено! – заявил новый посетитель с типичной для организации, которую он представлял, мертвечинкой во взоре. – Понятно? Фо хум звонят колокола, так сказать! Храбришься? Не поможет! Шкатулка – что в ней – а? – хранят? Сюрпризы дорогие, да? Нееет! Крыса в ней сидит – взглядом убивает. Это – я! Так кто же, не терпится узнать, да? Не дога? Я Бро... ну!.. ну-де-как! Вроде-как бы... ну!.. от хенерала – вот, кто я!

– Удостоверение от генерала имеешь или бить тебя придется по шкатулке?

Посетитель нарочито суетливо выхватил из внутреннего кармана пиджака удостоверение, поразмахивал им и вроде-бы-как уронил или бросил на стол.

Чемпион потянулся, было, за документом и понял, что сделал неправильный ход. Он задержал на мгновение руку и понял, что и второй ход похикивающему аспиду также проигрывает – ферзевую пешку отдает за обреченного слона. Оставалось только взять документ и бросить на пол, что не выход, но и не вполне поражение. Неожиданно для самого себя Чемпион взял в руки удостоверение. Аспид хлопнул в ладони от радости – чиркнул ладонями и захохотал.

В массивном, как портсигар из бордового дерева, удостоверении ни фамилии, ни звания не значилось. Фотография

мерзавца и большая буква Т – недоовплощенный крест.

– Вы не тот, за кого себя выдаете. Кто знает, – вякал Вроде-как-от-генерала. – Не собираешься ли ты за границу сбежать...

Чемпион вместо того, чтобы «уже сбежал» ответить, молчал почему-то. Он впервые терпел полное поражение. Вроде-как вякал так, словно ввинчивал в череп шурупы отверткой.

– Я – пигмалион в своем роде. У меня разговаривают статуи на допросах.

– Был уже любитель оживлять статуи, – включался на мгновенье Чемпион. – Где он? К тому же – прокол. В обязанность сыскаря разве входит чтение Овидия?

– Так я же – Вроде Как...

– Тем более.

– Скорее, – большее.

Незнакомец парализовал его волю своим присутствием. Мысли Чемпиона Удачи путались. Он делал одну ошибку за другой.

Не вставая, посетитель, слово крупье лопаткой выигрыш, сгрел удостоверение рукояткой зонтика со стола. В довершение всего он вынул шаровидные часы на цепочке и принялся их ронять и подбрасывать, что было уже явным намеком. Но ничего за этим не последовало.

Через полчаса после его ухода раздался звонок, и кто-то захихикал в трубке:

– Смеется тот, – заявил по телефону упырь, – кто смеется последним.

Кто-то втягивал Чемпиона в какую-то игру, правила которой он не знал, а потому решил оставить свою затею с проникновением в тайны Отдела Пауперизации.

* * *

В Цюрихе накрапывал дождь. Контуры окружающих зданий были размыты. Неоновый феникс в кустах зажигался и гас.

На шляпках женщин вечерней поры светились электронные значки с ценами.

– Удиви-ка меня чем-нибудь, – сказал Чемпион, протягивая золотой портсигар с бриллиантами обладательнице значка с ценою в двести раз больше обычной.

– Это будет стоить вам такой же штуковины.

– Вот тебе еще, – сказал Чемпион и протянул ей часы с цепочкой.

Она взяла часы, положила их в сумочку, достала портсигар и выбросила в кусты.

– Неплохо.

– Еще бы! Вы же – русский, не так ли?

– Как ты узнала? По акценту?

– Национальный русский обычай – бросанье денег коту под хвост.

– Так ты, стало быть, – русская? Как тебя зовут?

– Маша.

– А псевдоним?

– Мериль.

– Где-то я уже слышал твое имя, – сказал ей Чемпион в постели.

Опытная Маша была само очарование, но не более.

– Я – неудачник, Маша, – сказал ей на прощанье Чемпион. – Слишком легко одерживаю победы над дамами – скучно. Как-то ехал на юг в одном купе с Бриллиантовой Дамой. Я разложил перед ней пачку сторублевок и стал бросать в черноту за окном. Деньги на ветер, как сказали бы у нас в Мордовии – совершенно уже замордованная страна. «Буду деньги бросать до тех пор, – говорю я ей, – пока не исполнишь то, что ты думаешь, я хочу от тебя». Через минуту она осталась в одних бриллиантах. Я предложил ей выйти из купе и пройтись по коридору. Она на все была согласна. Плакала навзрыд, когда я все же выбросил деньги в окно. Но в любви своего не упустила. Вот так и ты: спускайся в холл и иди...

– Как дама в поезде? Тебе не жаль меня?

– Хочу в очередной раз испытать горечь разочарования от успеха.

Он смотрел в окно, как она выходила из отеля и шла к роллс-ройсу, где ее уже ждал шофер с шубой наготове, как будто все заранее было предусмотрено. Она зашла в кусты,

подобрала портсигар, помахала Чемпиону рукой, не оборачиваясь, села в машину и укатила.

Чемпион бросил в камин оставленные ею часы и закурил – так пишут в романах, когда не знают, чем закончить эпизод.

* * *

– Кто прыгнет ночью при луне в Провал, – разгуливая по альпийским лугам, вспоминал Чемпион, – тот сам... тот самый...

– Тот самым, – нашептывали горы.

Чемпион выхватил револьвер и шестью выстрелами в воздух выразил свое раздражение.

– Сможет стать... – подсказывало эхо.

– ...богатым человеком в мире, – вспомнил, наконец, заклинанье Чемпион.

* * *

В нефритовой мозаике стола вдруг загорелся красный зрак. Чемпион нажал светящуюся кнопку и сквозь черное зеркало сумрак заговорил женским голосом:

– Пожалуйста, откажитесь от своей затеи, мсье Чемпион. Она нескромна.

– С кем имею честь говорить, мадмуазель?

– Неважно, – ответили с того света.

– Начнем по-другому. Какой вас надоумил дух тогда?

– Вы задаете вопросы, на которые нет ответа.

– Как вас зовут?

– Нельзя назвать то, чего нет.

– Ну как же мне вас назвать? Пожалуй, Доменик. Где мы с вами встретимся?

– Как можно встретиться с тем, чего нет? Примите мой совет, мсье.

За стеклом он обнаружил визитную карточку известного киноактера с предложением встретиться в сквере перед отелем.

* * *

– Я надеюсь, вы не обиделись на нашу маленькую мистификацию? Голос нашей Доменик меня всегда волнует. Знаете ли, задевает за потаенные струны. Однажды так на меня посмотрела! Впрочем, ближе к делу. Меня уполномочили передать, просили, у-мо-ля-ли отговорить вас от вашей безумно дорогой затеи, мсье.

– Кто просил?

– Невидимое Правительство мира. Поверьте, игра не стоит свеч. Слишком много затрат. Можно, конечно, собрать необходимую сумму, но в мире произойдут непредсказуемые изменения. Зачем вам это нужно? Ну, миллиард! Ну,

пять! Никакой разницы. Хотите пять миллиардов?

– Невидимое Правительство?

– Да, невидимое. Я лично никого еще не видел. Звонят по телефону, а деньги в конверте присылают. Не-ма-лые!

– Так ты, стало быть, – всего лишь посыльный, курьер?

– Который кур ел... но это к делу не относится – к слову пришлось. Фернан До Рей – киноактер. Прошу любить и жаловать. В детстве хотел стать благородным нищим, но судьба по-своему распорядилась.

– Мальчик на побегушках у Судьбы, стало быть?

– Судьба! Слишком громко сказано. Скорее, у Доменик. Кстати, о Доменик! Замечательная женщина! Однажды так на меня посмотрела! Полчаса не мог прийти к себе – продолжительная эякуляция. Или в себя? Точно не помню. Впрочем, я никогда ее не видел. Даже через целлофан – как некоторые. Только по телефону. Бывает в Крыму. Ле-та-ет! Ни один миллиардер в мире не имеет подобной женщины в гареме своего терема. Рекомендую теорему. Если хотите увидеть Доменик, то вот ее фотография. Порнографический портрет, так сказать. Я сомневаюсь в том, что вы покорите Доменик. Она вас – да, а вы ее – нет. Хотите пари?

– Так чем же занимается ваше Несуществующее Правительство?

– Мира! Оно существует. Этого вполне достаточно. Ваше Невидимое Правительство играет на понижение, наше – на повышение. У вас – Судом, у нас – Содом.

– Где вас русскому языку обучали, сеньор Рей?

– Помилуйте! Откуда мне знать русский язык? Никогда в России не бывал. Говорю по наитию... сверху. Меня ин-вольтирует для разговора с вами знаменитый йог Пятигорский. Вооон из того отеля. Гостиницы, как говорят у вас, в Мордовии. Совершенно замордованная страна. Не так ли?

– Вернемся к нашим баранам, сеньор Рей.

– Нееет! На шерсти нынче заработать миллиард нельзя. Хлопок или нефть.

– Я тебя, шут гороховый, спрашиваю – откуда узнали? Мысли читаете на расстоянии?

– О чем? Об овцах? Так вы же сами мне сказали. Обратите внимание... Нет? Тогда, о чем?.. на мою корректность.

– Астральный брак, стало быть, произошел у твоего Пятигорского? А? Саятжит Рей?

– Минуточку! Прислушаюсь к внутреннему голосу и отвечаю. Честно говоря... или брик-а-брак... я только очень похож на Фернандо Рея. Очень похож!

– Откуда, спрашиваю, узнали про мою затею? Пятигорский рядом с Провалом стоял в Пятигорске?

– У вас, должно быть, провал в памяти. Пятигорский не в вас, а во мне находится. Я мысли на расстоянии читаю с его помощью.

– Так прочитай мои, кликуша, мысли. Что думаю сейчас, например?

– Не знаю, о чем вы, но я лично думаю только о женщи-

нах. Вот, например... правильное, пожалуй, будет «кликун». Впрочем, русского языка не знаю. Может быть, вы и правы.

– Вот у меня в кармане конверт. Можешь прочесть?

– У вас в кармане предложение от фирмы, неразборчиво написано какой, лететь в Мексику.

– Так письмо у меня в номере осталось. Откуда ты узнал, что в нем?

– Мне ли не знать! Сам писал. «Достает записную книжку». Так пишут обычно в ремарках, а у меня на манжетах записки. Смотрите! Не видно ничего? Значит, не дано. Про что тут дальше? Забыл! Может, вы что-нибудь скажете? Ваша очередь.

– Сеньор чародей, я не нуждаюсь в помощниках, столь вежливо бесцеремонных.

– Мсье Чемпион, да разве вам одному справиться? Пятьдесят миллиардов, как минимум. Дешевле уничтожить, согласитесь. На самом деле дороже обойдется. Деньги на ветер, как говорят у вас в Мордовии. Предпочитаем отговорить.

– Ну, хорошо – согласен познакомиться с вашим Дурацким Правительством взамен. Кто там у вас?

– Нелюдь всякая, но очень талантливые. Я, например...

– Заткнись, астральная балаболка!

– Вот вы говорите, а я вам отвечаю. Хотя я в два раза старше вас. Мне уже за шестьдесят, молодой человек, а вы мне тыкаете, словно трамвайный хам. Я заменяю сеньора Рея в сценах драк. Необычайно легко владею тростью и...

ментальным карате. С миндальным привкусом вино – цианистое шампанское моего взгляда, так сказать. Ворону взглядом убиваю на лету, если предварительно стукнуть ее палкой. Ха-ха-ха! Впрочем, ворон не употребляю. Рябчиков – еще куда ни шло. Двадцать рюмочек водочки перед сном – тоже недурственно. На самом деле водку терпеть не могу – шампанское или коньяк. Но более всего мне нравится, когда молодая женщина поправляет в подъезде чулок, и все же я не настолько испорчен, чтобы столкнуть ее с обрыва. В набежавшую волну.

– Бывали в Кисловодске, сеньор Фернан Дель?

– В Кисловодске не бывал... Фернан До Рей, а не Дель Рей... в Санкт-Петербурге, разве что, или в Питсбурге. Вообще-то я с сорока лет сирота – нужно иметь снисхождение. Женщина с четырьмя грудками не интересуется... или полет на луну – с Лулу? Надо вам сказать, это уже было, это тоже... Подсунут они вам «сто пятьдесят пять дураков» вроде меня и скажут: «Правительство». Поторгуйтесь.

– Своих предаешь, шельма!

– Входит в программу – хитрость, тактический ход. «Овец по осени считают, а змей весной». Это моя реплика, теперь – ваша. Минуточку... «овец» – верно, а я думал – «котят»... черным по белому. Ну что вы на меня уставились, как Малларме на скорпиона? Мы, актеры, знаем свои роли наперед. Я хотел сказать – наизусть. Я наизусть знаю, что за чем следует. Меня уверяли, будто вы точно по тексту будете отвечать,

а вы – путаетесь. Говорите скорей, что хотите. Через минуту... помогите! Наркоз заканчивается. Сейчас по-испански начну говорить. Санитары! В Мексику, в Мексику нужно лететь! По воздуху. Прекрасные теночтетланки – сплошные гитарянки. Карету мне, карету! О, птица трио! Макдуф еще не родился. Такси!

* * *

Закат в долине Призраков напоминал театральный занавес. Чемпион прогуливался по лужайке над обрывом, словно по сцене. Серебряный Призрак подкрался незаметно. Он слегка подтолкнул Чемпиона чуть ниже спины и остановился. Мгновенно приведенный в действие бульдог прогавкал шесть раз и захлебнулся на седьмом – роллс-ройс был пуленепробиваемым. Мужчина, сидящий за рулем, доброжелательно улыбался, дама пылающими губами прикасалась к бокалу. Они тихо катались по поляне, наезжая на Чемпиона. Мерзавцы лениво переговаривались между собой, не обращая внимания на выстрелы.

Чемпион с разбега таранил бронированного сфинкса камнем, бил дубиной, пробовал и обыкновенным русским способом – словесным, но тщетно.

Вечером по телевизору показали рекламный фильм «Серебряный Призрак» с его арлекиновым участием. Кто-то явно насмеялся над ним. На телевидении ему сказали, что

мужчина представился Дмитрием Устиновым, а дама – Мариной Мнишек. Фильм был сделан по заказу несуществующей ювелирной фирмы Элизейские Поля. В нем рекламировались надетые на даму бриллианты. Роллс-ройс обнаружился в магазине подержанных автомобилей в Цюрихе.

Чемпион купил роллс-ройс, приехал на поляну Бронированных Призраков и набрал московский номер Геаманта. Соединили неестественно быстро.

– Здравствуйте, Виктор, – сказал Геамант. – Я вас сразу узнал. Откуда звоните?

– Из Кельна, будь он проклят!

– А мне показалось – из Цюриха.

– Мне тоже вечно что-то кажется. Из машины звоню, будь она также проклята! Кто в ней сидел вчера, – можешь сказать?

– Вообще-то я – не гадалка, а прорицатель. Впрочем, обнюхай сиденье.

– Я тебе на расстоянии уши пообрываю за такие предложения.

– Представляю, – засмеялся Геамант, – как ты обнюхиваешь сиденье. Ты для меня – нечто вроде собачки астральной. Пинкервелейский Честертон из Конандойля. Место, которое ты обню... прошу прощения, обследовал... занимала дама.

– Можно и без обследования, как ты осмотрительно выразился, догадаться.

– Могу назвать духи.

– Нет необходимости.

– Ее зовут Мимона Муни.

– Ты знаешь, что я с тобой сделаю через пару дней в Москве?

– Я – в Крыму! Через час уезжаю, а тебе необходимо лететь в Мексику. Там город будет возведен, как говорят поэты, к твоему приезду. На горе.

– Вот это уже ближе к истине. Откуда узнал?

– На ней прозрачное платье... ляпнул первое, что в голову пришло... кожа цвета вечерней зари. Прекрасный фон для бриллиантов. На сидении светящийся отпечаток анальной сферы в форме цветка.

– Ты в своей сфере, как всегда.

– Негодяй, как мне кажется, похож на Устинова. Есть такой киноактер.

– Что тебе привезти в подарок? Хочешь рабыню?

– Ее зовут Моя Судьба.

– До встречи в Крыму.

В тот же вечер ему позвонили из Милана и сообщили, что на его имя в местный банк поступило пять миллиардов лир вместо предполагаемых пяти миллиардов долларов. Ибо! «Сумма была согласована, а валюта не названа».

– Прохвосты, – возмутился Чемпион. – Вор на воре.

– Совершенно с вами согласен, – поддержал его портье, за что получил в награду бриллиант, равный по стоимости отелю. Но как только Чемпион удалился, портье, не глядя,

выбросил лиловатый кристалл в фонтан и углубился в газету, как если бы именно в ней была истина века.

* * *

Чтобы успокоить нервы, Чемпион отправился на рыбалку. Но и здесь его ждал сюрприз. В прозрачной воде горного озера был ясно виден аквалангист, цепляющий рыбу на крючок. В желудке у нее обнаружили все те же часы с цепочкой.

– Пошляки! – сказал Чемпион и выбросил их в озеро. Он подумал было зайти в церковь и посоветоваться, но неожиданно с неба посыпался бисер и он, изумленный явлением, забыл о своем решении.

* * *

Нищий в парчовом камзоле, истрепанном до дыр, продавал в аэропорту Мехико шестиствольный обрез, а в Сант-Этельяне девушка в траурном платье держала за цепочку часы, сделанные тем же мастером, что и обрез.

– Не забывайте заводить, – сказала юная вдова. По щеке у нее стекала слеза. Так же, как и нищий, она была слепа.

Чемпион остановил первого попавшегося прохожего и спросил по-английски, протягивая на ладонях покупки:

– Что с этим делать, сеньор?

– Как зазвенит хронометр... «Бим-Бом»... поворачивайтесь и стреляйте из арабеллума... Бах-Бах»! – ответил ему прохожий по-русски, сделал несколько шагов с вытаращенными на Чемпиона глазами и пальцем у виска и... провалился в люк канализации. Потому как был смертельно пьян. Из лавки напротив с надписью по-английски «Синевзоров-и-Пурпурников. Шелка» вышел хозяин и вылил ведро воды в отверстие, а крышку захлопнул.

Как только часы зазвенели, Чемпион выхватил из-под куртки обрез, резко обернулся и выстрелил, не целясь. В купе пролетающего поезда разлетелось стекло, погас свет и вывалилось тело Вроде-Как-От-Генерала. Падал он неестественно медленно. В руках у него были карты, они рассеялись веером на лету. Он лежал на спине, показывал на Чемпиона пальцем и пытался что-то сказать. В последнем усилии он вынул из кармана визитную карточку, протянул ее Чемпиону и, вздрогнув, замер с протянутой рукой. По черному полю на ней золотыми буквами была вытеснена надпись: «Капитан Шестиглазов», а также девиз: «Смеется тот, кто смеется». Сквозь гримасу смерти на лице мертвеца проступала ухмылка упыря.

* * *

«Город-призрак Кенигсберг» – сияла неоновая надпись в фиолетовой половине неба. Единственная улица города тя-

нулась долгой спиралью к вершине горы, на которой возвышался замок. Над фронтоном замка огненными буквами, ослепляющими тусклое свечение заката, горела надпись в небе «Ариэль».

– Вас интересует замок? – спросил Чемпиона толстый представительный метрдотель кафе Эдем, которое примостилось в декоративных руинах старинного здания. – Я прожил здесь всю свою жизнь и ни разу не был в замке, а вот летающую девушку видел. В горах.

– Летающую девушку?

– Да, там играют! В рулетку, карты, шахматы, ма джонг. Клуб миллиардеров А-ри-эль! Невидимое правительство мира, можно сказать. Ибо никто их не видит: прибывают инкогнито – по ночам. Нам с вами там не место, сами понимаете.

– А кто хозяин заведения?

– Моего? Моя жена – к великому сожалению. Впрочем, всего две недели. Раньше она жила в Гонолулу, а я в Буэнос-Айресе. Когда я сюда приехал, здесь ни-че-го еще не было. Ариэлла ее зовут.

– Жену?

– Нет, владелицу замка. Ариэлла де Ля Рокк.

– Де Ля Рокк? – удивился Чемпион.

– Она самая. А вы подумали, – Робб-Грибос? Должно быть!

– Почему я так должен подумать?

– Потому как Робб-Грибос прежний владелец владения, а де Ля Рокк у него арендует... на двести лет. Сам я флорентиец, хотя прожил в Персии лучшие годы своей жизни. Меня в детстве украли цыгане из герцогской семьи, а потому зову свою любовницу Европой, а она меня – Паршивым Зевсом.

– А летающая женщина в горах?

– Сеньор, – прогнусавил хозяин, – если вы – лунатик, я могу станцевать для вас джигу. Я толст и это смешно. Всего за двести долларов станцую.

– А за десять тысяч?

– Как вы сказали? Летающая женщина? Есть! Имеется! Обитает! В горах! Ведьма, должно быть. На берегу океана, в далеких Таврических горах, – и он сделал широкий жест рукой. – Ле-та-ет! Но там гуляет сумасшедший пикадор и колет пикой всякого в живот. Очень больно. Лучше я покажу вам фокус, сеньор. Всего за тысячу долларов. Обладаю способностью затирать часы под кожу вместе с цепочкой. Смотрите.

Циферблат тикающих часов просвечивал у него под кожей на ладони.

– Что еще мне велено сказать?

– Алонсо Портфобль меня зовут. Ад-во-кат! – сказал он со значением. – Он же – городской голова. Сочиняю стихи. Выступаю под псевдонимом Эйлеон Напо, что означает «Эй, Наполеон!» Не для заработка, разумеется. Для души. «Плевка достойный, Посейдон, – к примеру, – сыграем в водяной

ма джонг! И в тот же миг лоб лысый его стал, подобно дыму, пронизаем для плевка». Ну-и-так-далее. В русском стиле.

– Бывали в России, сеньор Голова?

– В России не бывал, но с Маяковским выпивал – перед смертью. Сам подавал пистолет... Поцеловал на прощание...

– Сифилитика рискнул поцеловать, а, флорентиец?

– Избави Бог! Пистолет, в рукоять. Дарованное оружие и целованное.

– Скажи-ка, дядя, кто для вас пишет репризы? Вы их выучиваете наизусть или вам позволено импровизировать на ходу?

– Сеньор, вы меня неправильно поняли.

– Ну, вот что, итальянец. Вот тебе чек на десять тысяч долларов, как обещал. Проваливай в свою Флоренцию.

– Премного благодарен! Прослушайте благодарственный мадригал в вашу честь. «Ну, что за город, говорю я вам... стихи в прозе, собственного сочинения... здесь люди на простой вопрос "Который час?" проваливаются вдруг или сапфир вручают – протягивают на ладони». Хотя логичней было бы – часы. Впрочем, я заврался. Пойду, провалюсь по вашему совету.

На очередном завитке спирали Чемпион обратил внимание на то, что в театре Йеллоухауз шла пьеса Евгения Ненормана «Украденный город», а в Черном Кабинете мадам де Ля Рокк – его же «Русский мальчик». На афишах кинотеатра Ретроскоп рекламировались фильмы Зарины Мнишек «Об-

реченные на успех» и «Дороги, которые нас выбирают».

Перевернутый вниз головой дракон мерцал пурпурным взглядом на двери Янтарной Комнаты. Среброперая сирена завораживала за витриной прохожих приоткрыванием крыльев на груди и пением, похожим на протяжный стон любви.

– Купите фиалки, – предлагала цветочница. Дама печального образа – с блестками под глазами вместо слез. В ее корзине пылал многоцветный костер из драгоценных камней. Живой казалась только змея, и та была золотая – крашенная. «Сволочь!»

Вход в кабаре Сады Семирамиды с клавесиновым звоном закрылся, как только Чемпион ступил на мраморный с затейливой мозаикой порог – нефритовый дракон с горящим взглядом выглядывал из малахитовых кустов. Он не стал ломиться в зеркальную дверь, снял ногу с дракона – ворота сложились гармошкой и вновь отворились. За порогом был полумрак, скользили гондолы, монахи с раскрытыми книгами бродили по пояс в воде, распугивая стайки светящихся рыб. Шелестели фонтаны, шумела листва вековых деревьев, сиял голубыми огнями многогранный кристалл павильона в глубине. Старинные лампы плавали вокруг него в воде.

Неоновый гномик над входом ювелирного магазина Братьев Росс хватал руками вспыхивающие драгоценности, но они гасли, и он принимал позу удрученного турка в феске – кулачки у рта, вытаращенные глаза. Пожалуй, было не совсем так, но достаточно ясно, чтобы понять намек.

Мерзкий город. «Золотой кукиш».

– Наглецы! – процедил Чемпион, останавливаясь перед моделью гигантского кукиша, висящего на цепях в руинах замка Ариэль – в центре спирали.

* * *

Через неделю Чемпион был в Крыму.

– Нельзя найти то, чего нет, – заявил Геамант.

– Но ты встречался с тем, чего нет?

– Встречался, но не прикасался, а потому и не уверен в том, что она есть.

– Устроить встречу с Доменик ты мог бы или нет?

– Скорее да, чем нет! Но сможешь ли ты выбросить на ветер пятьдесят миллионов рублей? Только за то, чтоб даже и не переспать, а так – прогуляться с ней по набережной.

– Однако, не дешево. Может, поторгуюсь?

– Со мной или с Судьбой?

* * *

– Мне захотелось прочесть вам лекцию об относительности стоимости всех вещей на свете, – объявил Чемпион гостям Мерцалова, собравшимся в его замке по случаю приезда главы эстетского общества Янтарная Комната. – Вот изу-

мруд ценою в пятьдесят миллионов золотых рублей. Ударом серебряного молоточка я отнимаю девять десятых стоимости Грезы, как я называю этот зеленый булыжник, а заявлением, что это – всего-навсего берилл, еще в десять тысяч раз уменьшаю цену. Осколки стоят уже не более трехсот рублей. Но! Ощущение, которое вы пережили от превращения в прах пятидесятимиллионной Грезы стоят того, чтобы оценить осколки в тысячу рублей. Выставляем их на аукцион. Итак: тысяча рублей! Кто больше?

Мерцалов вяло поторговался, доведя цену на берилловую гальку до тысячи двухсот рублей. Профессор Гад предложил полторы тысячи. Вначале он изучил осколки в лупу и только затем позволил себе легкий сердечный приступ, заглушенный на корню рюмкой заранее приготовленного корвалола.

– Таким образом, – объявил Чемпион, – мы возвращаем осколкам Изумрудной Грезы их настоящую цену – пять миллионов рублей. Но стоят ли они того?

– Стоят – стоят, молодой человек, – воскликнул Гад, – еще как стоят!

– Лично для меня, – сказал Чемпион, – не более осколков бутылочного стекла.

– Так это были вы! – вдруг воскликнул Гад.

– Да, я, – подтвердил Чемпион, – только не знаю, где и когда. Может, подскажите.

– В пятигорском трамвае. Тридцать пять лет назад. Не отпирайтесь – это были вы.

– Возможно. Я там родился. В городе, разумеется, а не в трамвае.

– Да-да! – вскричал профессор. – Вне всякого сомнения – это были вы! Мне сообщили по телефону, что нужно делать. Задание простое – проехать на трамвае в Пятигорске от вокзала к Цветнику. Там с меня часы и сняли – это были вы! Прекрасные часы: жаль было до слез. Обычно со мною сразу расплачиваются. Деньги в конверте присылают. Не-ма-лые! За это заплатят позднее, сказали. Да так, что ахнете. Вот я и ахнул: сердце чуть не выскочило.

– Кто говорил вам, профессор? – спросил Чемпион.

– Женский голос с эдаким звучанием, знаете! После каждого звонка по полчаса не мог прийти в себя... или к себе. Совсем уже заговорился.

– Мне кажется, – сказал Чемпион, – я вас уже где-то слышал. Голос знакомый, а вот лицо не могу вспомнить. В Швейцарии не приходилось бывать?

– Еще как приходилось! Худшие воспоминания. Был в командировке. Позвонили и попросили подождать у телефона. Я стал ждать и заснул. Во сне с меня снимали скальп, куда-то везли, кого-то я уговаривал, торговался. Очнулся на свалке в прозрачном пластиковом чемодане, обложенный пачками денег с ног до головы. Рядом сидит на корточках нищий – убогий-преубогий – и тычет пальцем в чемодан. Деньги мои считает. «Сто пачек, – говорит он мне, – ровно миллион». Я ему: «Спасите! Вызволите меня отсюда, заплачу!» – «Это

дело полиции, – говорит он, – или миссионеров каких-нибудь спасать. Я – коммерсант. Гаврила Грибов. Прошу любить и жаловать».

– Знакомые все лица, – усмехнулся Чемпион.

– «Спасите соотечественника, господин Грибов, – умоляю я его, – озолочу!» – «Не по моей части, – отвечает, – моя сфера: сухарики, чачечка, рыбочки. Хотите рыбочку? Я – человек честный, грабить вас не намерен. В данной ситуация парочка ваших пачечек будет вполне достаточна». Прорезал отверстие в крышке и рыбу понюхать дает. А у меня в желудке ощущение, будто неделю не ел. От рыбки мне захотелось пить, а он мне, подлец, бутылку кока-колы за сто тысяч предлагает. «Вы пока обдумываете мое предложение, схожу-ка я за дополнительным провиантом. Нынче продукты в цене зело!» Представляете, какой паразит?

– Представляю, – посочувствовал Чемпион. – Вот вам еще одна лекция об относительности стоимости всего на свете.

– Действительно! Ну, так вот: оставил он бутылку у меня под носом и удалился. Через пару часов прикатил на новеньком мерседесе. Разодетый в пух и прах. На ногах только старые ботинки остались, но сквозь дыры педикюр просматривается. «Денег на ботинки не хватило, – заявляет, – из-за вашей скаредности. Ну, как, обдумали, – спрашивает, – мое предложение?» – «Ну и сволочь же ты, Грибов, – я ему говорю, – кровопийца!» – «Я нынче мистер Грибо – адвокат. Так что не тыкать мне. Прошли те времена». Сигарету заку-

рил и в дырку пепел сбрасывает. Сам во хмелю. Экспроприатор проклятый. Взял последние двести тысяч и укатил за адвокатом. «В присутствии которого произойдет освобождение. Чтоб все было на законном основании»... Вернулся уже на роллс-ройсе – вдрызг пьяный. «Я, – говорит, – сам тебя спасу. Без адвоката. По благородству душевного устройства». Вы думаете, мои злключения на этом закончились? Не тут-то было! «Вы не тот, – заявляет мне в отеле портье, – за кого себя выдаете». – «Как так не тот, а кто ж я?» – «Может, вы и знаменитый человек, но в чужой номер я вас не пущу!» Я ему паспорт показываю, а он мне: «У вас на фотографии одно лицо, а на вашем собственном лице – другое». – «Как так – другое?» – «Взгляните в зеркало», – предлагает портье. «Батюшки мои, – кричу, – подменили!» Физиономия известного киноактера поверх моей собственной на мне оказалась.

– Уж не Фернандо Рея ли? – спросил Чемпион.

– Его самого. Ампула – благородный мерзавец. Оказывается, мне сделали пластическую операцию под гипнозом. Пришлось вновь делать операцию, чтобы лицо свое вернуть. Потом... уже в Москве... мне прислали мои сорок тысяч долларов в конверте. Как обычно.

* * *

Доменик подошла к Чемпиону на набережной. Над обры-

вом в бухте Овидений у них состоялся разговор следующего содержания:

– Мадмуазель, – сказал ей Чемпион, – вы не могли бы обучить меня своему искусству?

– Быть самой оболстительной камелией на свете? Способности находиться в трех местах одновременно? Искусству вообще не быть? Или умению угадывать чужие мысли?

– С последним вы как раз и не справляетесь, мадмуазель.

– Пожалуй, не совсем уже мадемуазель и не вполне еще мадам. Я даже истукана каменного соблазнить могу, но никому еще не удалось по-настоящему со мной переспать. Я еще девушка – учтите! Разве по мне не заметно? Если интересуетесь, – проверьте.

– Мадам, это очень мило с вашей стороны, но мне хотелось бы нечто иное: показа вашей способности к левитации.

– Иное?! – удивилась Доменик. – Кто бы мог подумать? Не только показать, но и прокатить могу, если хотите.

– Не откажусь.

– Вы смелый человек. Я бы на вашем месте не решилась.

Она дернула за ленту на плече. Платье мгновенно слетело с нее и, словно Невидимое Знамя, зареяло над морем вдалеке.

– Только не отворачивайтесь. Я этого терпеть не могу.

– У меня и в мыслях этого не было.

– Знаем мы ваши мысли. Садитесь-ка лучше на спину.

Устраивайтесь поудобнее. Поехали.

Она сделала шаг с обрыва, и они упали в море.

* * *

Доменик выпорхнула на зонтике из-за вершины тополя. На полном ходу она влетела в скалу, как если бы вместо базальтовой преграды находилась бумажная ширма на ее пути. Чемпион не успел даже определить, пролетела ли она на самом деле или промелькнула на странице очередной мысли. Он вскарабкался по отвесному склону горы и обнаружил невидимую снизу щель. На стенах узкого, как коридор, ущелья были вытеснены барельефы.

Коленопреклоненный фавн подавал монарху город на подносе с замком посредине на холме.

Крылатая богиня – на ладони у героя. Обезьянка с кувшином на плече. Из шлема, который герой попирал ногой, выползла змея.

Юноша с завязанными глазами парил над морем с лампой в руке.

Скала величиной с автобус вскоре преградила путь. На ней готическим шрифтом была вырезана надпись:

«Врата ада – сад заката».

Чемпион с раздражением человека, не терпящего препятствий на своем пути, двинул скалу плечом и неожиданно на волоске висящую глыбу столкнул. Перед его взором открылся пылающий огненными цветами сад в облаках. Чем-

пион готов был уже встать на узкий лучезарный мост и пойти, но... неожиданно перед ним выросло водяное дерево и окропило его ледяными брызгами с ног до головы. Должно быть, впервые морская вода поднялась на такую высоту.

Внизу кипел рычащей пеной темно-синий ад, обнажая кривые зубы тут-и-там торчащих скал. Закат погас. «Так как», – тикали часы у Чемпиона в голове, – ничто не может долго быть там, где не положено. На юге. Тому быть.

Девушка с хрустальными глазами

Преуспевающий дипломат по пути на родину из Швейцарии отстает от поезда. На маленькой безымянной станции он находит свое счастье в лице дочери путевого обходчика. Дипломат засыпает, а по щеке юной обходчицы стекает слеза. Перевернутый вниз головой дракон, составленный из красных точек станционных фонарей, вспыхивает и гаснет за окном.

К моменту появления на экране надписи «конец» Ио знал, что ему нужно делать. Необходимо закончить школу, поехать в Москву и стать киноактером, ибо ему показалось, привиделось, как всегда, что дочь героини фильма станет его будущей невестой.

Ио приехал в Москву, поступил в институт Искусств Всех Видов и стал... киноведом. После окончания аспирантуры он был оставлен в институте в должности и.о. профессора.

По прошествии некоторого времени на кафедру пришло письмо из Пятигорска. Отправитель представился «дядюшкой будущего профессора». Он рекомендовал Кафедре повнимательнее отнестись к судьбе молодого специалиста, начинающего свой путь в искусстве.

«Молодой человек, – писал дядя, – продолжительное время пребывающий в должности и.о. профессора, рискует навечно остаться «профессором Ио».

Дядин каламбур сыграл роковую роль в жизни Ио, ибо по-другому его уже никто не называл.

* * *

«Событие еще не произошло, а отклик уже имеется», – всякий раз приговаривал дядя, заглядывая в серые кусты газетных строк.

Дядя собирал вырезки из газет с «профетическими, – как он выражался, – сообщениями». В одной из них Мерцалов подвергал осмеянию корреспондента газеты Пари Дельф. Наглец осмеливался утверждать, что на улице Пристальных Взглядов в Амстердаме продается церковная утварь, которая еще только будет! украдена из московских церквей. В числе лиц, занимающихся вывозом ценностей из страны, называлась фамилия актера, играющего роль дипломата в судебном фильме (от слова «судьба»), виденном Ио в детстве.

Мнимая фигура приобретала реальные очертания: киношная пешка становилась политическим ферзем.

В статье говорилось о том, что дипломат женат на актрисе, фильмовое имя которой совпадало с настоящим. Вскоре он с ней разведется, – доверительным тоном сообщал оставшийся анонимным автор статьи в Пари Дельф, – и женится на цыганке голландского происхождения Ариэлле де Ля Рокк, с которой разобьется в автомобильной катастрофе «за ненадобностью».

Приводилась фотография. На витрине антикварной лавки были выставлены резные табакерки, набалдашник трости и геммы из горного хрусталя с изображением одной и той же женщины – мадам де Ля Рокк. Однако в тексте под фотографией перечислялись потир, дароносица, крест и держава. Предметы ценные, но еще слишком призрачные из-за своей прозрачности, чтобы принять зримые очертания и занять свое место в рассказе.

* * *

Мерцалов возглавлял отдел Интуиции в институте Будущего, проводил атеистические чтения в лаборатории Астральных Проникновений, был ведущим консультантом Отдела Пауперизации и главврачом психиатрической клиники, а в институте Искусств Всех Видов преподавал психотехнику искусства.

– ... выживанья в Лабиринте, – добавлял он всякий раз, поясняя суть предмета.

Он приводил пациентов своего заведения в институт, и они читали лекции. Умнейшие люди века – эти сумасшедшие. Но ректору института Мердину лекции не нравились.

– Карл Хуаинович, – спрашивал он Мерцалова, – ну, что за тема у вашего, как его...

– Экстазий Ну или Эпитофан Кога? Вы их имеете в виду? Так это псевдонимы известного стиксолога Эпифания Коб-

лер-Скобского.

– Вот-вот, Эпитофаний или как там его еще? «Сексопатии Толстого?!» Неужели нельзя что-нибудь другое? О первых материалистах, например!

– Лесбийская психограмма Дидро вас интересует? – оживлялся Мерцалов.

* * *

Свою нелюбовь к кино Ио обнаружил после того, как овладел профессией. Знания, извлеченные из книг дядиной библиотеки, не дали ему возможности стать восторженным поклонником десятой музы в том убогом виде родного кино, какое ему приходилось преподавать в институте.

От преподавателей храма Искусств Всех Видов его отличало стремление стать как можно более незаметным. На него смотрели, как на нечто прозрачное. Мерцалов умудрялся читать сквозь него надписи на стенах. Всякий раз при встрече с Ио в коридоре Мерцалов доставал лорнет и с удивлением разглядывал его, словно диковинную бабочку.

Одна из полубогинь преподавательского сонмища однажды назвала его ангелом:

– Ангел мой, если вы еще раз опоздаете на лекцию, будем разговаривать на уровне ректората о вашем пребывании в институте.

Пристальное внимание Великого Визиря к Ио не ускольз-

нуло от всевидящих очей администрации. Это спасло его от ретивых коллег, желающих занять его мнимопрофессорское место.

На следующий день она (ее звали Суок или Сука), как ни в чем не бывало, шутила с ним:

– Ну, как дела, а, Иа?

* * *

Он не любил, когда его звездное имя произносилось на ослиный манер. С царственным видом Ио прогуливался по коридорам, не обращая на шутников внимания

Дочь актрисы из фильма своей судьбы он встретил в коридоре.

Ее глаза! Серовато-голубые, бездонные. Они казались хрустальными. Два бокала морской воды. В них можно было, словно в аквариум, запустить руку и вытянуть пеструю рыбку девичьей мысли – как побыстрее избавиться от невинности. Подкрадывался двадцатый год, и ее слегка удивляло отсутствие кандидата на роль первого любовника – назабенного, по словам подруги. Ее глаза были полны ярости приглашения. Прозрачные стрелы ее желаний испускались взглядами во все стороны, но чаще поражали прогуливающегося по коридорам профессора Ио.

При встрече с девушкой не в своем вкусе, но своей судьбы, Ио рассказывал анекдотец. Фривольный! Ибо они, анек-

дотцы эти, не были у него даже скабресными. Если попадалось бранное слово, – он произносил его как бы в кавычках: с понижением в голосе, приседанием и одновременным движением руки чуть вверх и вперед. Она хихикала, поправляла воротничок рубашки, предлагала меняться очками или часами, но никогда не просила поиграть хрустальными четками, в отличие от всех прочих: тем и нравилась. Иногда только прикасалась к ним пальчиком с янтаринкой и слегка подталкивала, словно маятник.

* * *

Хрустальные четки! Иного безвкусного и нетребовательного человека вполне удовлетворили бы обыкновенные стеклянные бусы. Но не таков профессор. Ио – не просто любитель, он – обожатель стекла.

Хрустальные четки ему привезла из Парижа монголка Уну – красавица-с-немытыми-волосами или цветок-в-пыли, как он ее называл. Она была дочерью монгольского посла в Париже, говорила на четырех языках, но ни на одном из них так и не научилась писать. За свои курсовые она расплатилась с профессором четками, а также себя предложила впридачу. Ио не успел еще и рта открыть, чтобы отказаться от ее заманчивого предложения, как она задышала со стоном.

– У-мо-ляю! Потише! – замахал на нее Ио руками. – Со-

седи!

Уну перестала, но как только он начал ее раздевать, вновь задышала и уже не переставала.

Соседи стучали в стену и предлагали кошке снотворное.

– ... или от желудка что-нибудь. Бэ-эдное животное!

– Нет-нет, Сара Абрамовна, ничего не нужно. Сейчас пройдет.

Перевернутый вниз головой дракон флуоресцировал под кожей пурпурными точками у нее на спине.

Уну привезла из Франции настоящие тибетские четки из горного хрусталя. С магическими надписями на гранях. На золотом шнурке.

– Чинк... чинк... чинк! – сообщали бусинки на своем хрустальном языке.

Если профессор забывал четки дома, то в перерывах между лекциями брал самую быстроходную из всех черепах – таксомоторную – и все же недостаточно быструю, чтобы обогнать беспокойство, мчался домой, бежал по лестнице на пятый этаж, плюхался в кресло и беззвучно плакал, как мать над утерянным и вновь обретенным ребенком. Залюбовавшись на созвездие хрустальных звезд, забывал о такси и переплачивал за ожидание.

* * *

Однажды Ио одолжил два рубля у Фидия Борисовича Бес-

пардонникова. Принес, как обещал, на другой день, а когда узнал, что Фидий Борисович появится только через месяц, решил отнести ему деньги домой.

– Вам к психиатру обратиться следует, – сказал ему Беспардонников, – к Мерцалову! И немедленно! Вне всякого сомнения: честным быть необходимо... ко мне, впрочем, это не относится... но-не-до-такой-же-степени! Это неприлично, профессор. Более того – подозрительно. Чтобы впредь! с подобными глупостями вы ко мне не являлись: санитаров вызову. Вмиг смирительную рубашку наденут и... пишите письма!

С профессором никто не церемонился. Просьба вернуть ему «Книгу Стеклянного Духа» обернулась однажды для Ио изгнанием. Обиженный просьбой приятель вывел Ио за дверь, вызвал лифт, спустился вместе с ним вниз, вытолкнул его на лестничную площадку, вышел вслед, бросил книгу на пол, вернулся в лифт и улетел вверх, как бог-на-машине.

* * *

В год приобретения четок Ио женился на кафедральной машинисточке. В кульминационный момент обольщения своего пухлого идеала не смог расстегнуть пуговицу на блузке. Наконец, откусил! Выплюнуть не посмел (нравилась ему машинисточка – податливая, пухлая), он ее проглотил. Пуговица проходила минут пять по пищеводу. Шер-

шавая, неровная – хотелось таблетку запить. На следующий день она заговорила о свадьбе, как о событии уже решенном. Профессор не помнил, чтобы он предлагал руку и сердце в тот памятный вечер (разбил очки, потому как вовремя не снял), но согласился и переехал к супруге. Когда она первый раз его ударила (ладошка была потная, пухлая), он не сразу понял, в чем дело. Второй удар окончательно вывел его из мира хрустальных грез в печальное царство Пьеро. Обидно, больно! Хуже другое: очки! Ио терпел. Наказание несколько опережало преступление, но Судьбе видней. Он стерпел даже тогда, когда теща поставила сковородку на «Книгу Стеклянного Духа», но, когда жена выбросила в форточку хрустальные четки, ушел на поиски любимой игрушки и не вернулся.

* * *

Однажды на вечеринке кто-то подал ему бокал из темноты, он в свою очередь рассеянно передал его дальше и с удивлением обнаружил, что бокал никто не подхватил. Хрустальный цветок уплывал по невидимому ручью в табачную темноту. Ио пустил еще один бокал, он повис в воздухе, качнулся и поплыл. Нетанцующая студентка отметила явление икотой и возгласом, что она уже готова, и что с ней «сейчас уже можно сурсик сотворить» и она даже не заметит, потому как ей «черт-те что мерещится».

Ио протянул руку, пошарил в струйке табачного дыма, словно в ларце, вынул хрустальный шарик вместо бокала и подал его даме. Он продолжил игру дома. Необходимо выпить рюмку коньяка, закурить сигарету, чинкнуть бусинкой на четках и можно уже вытаскивать хрусталину.

Постепенно у него собралась коллекция стеклянистых предметиков зачастую непонятного назначения: грифон на вздыбленном коне, пробивающий шар копьем, чтобы поразить закованного в латы дракона в объятиях нимфы внутри, например. Нечто вроде державы.

Мерцалов устроил платную выставку «изделий профессора Ио» на своей даче, после чего большая часть коллекции исчезла.

* * *

Девушка с необыкновенными глазами потеряла тем временем блеск в глазах и хрустальность. Они у нее стали обыкновенными – стаканное стекло. На доньшке немного жидкости алкогольного происхождения – недопитое шампанское. На руке у нее поблескивает браслет из голубоватого хрусталя – подарок Ио. На открытой спине – россыпь веснушек, напоминающая дракона, перевернутого вниз головой.

Вечером того же дня, в который она получила браслет от своего неназванного жениха, произошло ее грехопадение с каким-то прохвостом из мерцаловского окружения. Она

даже толком не запомнила его (а был ли он?) – так много выпила. Помнила лишь то, что они долго лежали в постели – щека к щеке. Комната вертелась, и ее тошнило. Этот угарный день ей более запомнился в связи с подарком Ио. Неожиданный жест взволновал ее и вселил надежды. Но!

Ио все дальше уходил от людей в свой хрустальный мирок.

В тумане изморози за окном ему привиделось стеклянное дерево, похожее на развесистую люстру – однажды. В центре полупрозрачной кроны играл на люстре светящийся ангел. Ио слышал мелодичное позвякивание листвы, иномирное пение.

Знакомый посоветовал ему сходить к священнику и исповедаться, а также нечто совершенно противоположное – заняться йогой.

* * *

Как только Ио принял решение идти к священнику, Мерцалов, встретив его в коридоре, заявил:

– Не вздумайте сделать глупость!

– Какую глупость? – изумился Ио.

– Вам лучше знать какую! У меня идолица имеется с крыльями... из вашего хрусталя. Она мне подсказывает. Вы не на-правильном пути. Поберегитесь!

Но Ио пренебрег его советом. Ибо...

«На пути к Истине советы постороннего уводят от Нее, –

прочел он в очередной открытке из Пятигорска от дяди. – Никогда не выслушивай похвалы глупца и не следуй советам подлеца!»

В свои первохристианские дни Ио, как опытный рыболов, научился вытаскивать из дыма предметы, соответствующие моменту – церковную утварь. Но предметы каким-то образом стали влиять на здоровье. Ему казалось, что у него начинает развиваться то, что поэты от медицины называют мерцающей аритмией сердца. Ио во всем любил красоту, даже в названиях болезней.

Первый приход в церковь – посмотреть на рекомендованного священника. У него сразу же перехватило дыхание от неожиданного восторга при взгляде на запрестольный образ Спасителя – как если бы вошел в золотое облако. Но уже через минуту из волны нахлынувшего ощущения начали выныривать, словно моржи, лица перекошенных злобой старух. Мурашки зашевелились у Ио под кожей, и он ушел в гнетущем настроении. Однако утром следующего дня он исповедался и причастился. «Наконец!»

Прийдя домой, он по своему обыкновению сунул руку в струйку табачного дыма, где уже выкристаллизовывалась хрустальная ваза в форме женской головки – в натуральную величину, но ничего не ощутил в руке.

Вечером того же дня он был арестован по обвинению в контрабанде ворованной церковной утварью. Предметики его в количестве девяноста девяти штук лежали на столе в отделении – фантастическое зрелище. Однако три четверти коллекции уже отсутствовало, как на столе, так и в протоколе. Ему была зачитана цитата из недавней статьи в «Пари Дельф», которую за много лет до ее появления разоблачил Мерцалов.

«Профессор Ио неизвестным науке способом превращает ворованную церковную утварь в обыкновенное стекло и переправляет в Голландию, где ее облучают, чтобы вернуть хрустальность, и продают на улице Пристальных Взглядов в лавке мадам де Ля Рокк в Амстердаме».

Все упомянутые в статье предметы находились на столе у следователя, чего – казалось – не должно быть. Но он не стал разбираться в подобных тонкостях. По приближительному подсчету стоимость конфискованного антиквариата приближалась к миллиону долларов, что уже само по себе криминально.

После недолгих уговоров признаться по-хорошему следователь начал бить Ио в живот опытными пальцами. Добивался, откуда Ио в таком количестве раздобыл антикварный хрусталь, кто сообщник, где вырученные деньги. Сле-

дователь торопился закончить к утру миллионное дело, но от подследственного ничего уже нельзя было добиться.

Хрустальная ваза с очертаниями женского лица манила его из дымчатой голубизны. Она повторяла, сверкая:

– Мерцалов... Мерцалов... Мерцалов, – а временами казалось другое.

– Мерзавец! – кричал следователь и исчезал в муаровом дыму.

* * *

На следующий день эксперт Отдела Пауперизации определил, что все предметы, кроме четок, фальшивые. Искусная подделка под горный хрусталь. Следователь – же! – утверждал, что предметы изменились за ночь – потускнели и погребели, а вечером еще были настоящими.

– Чего не может быть, – отметил эксперт, однако посуду забрал и вместе с Ио увез на исследование в лабораторию Астральных Проникновений. По дороге Ио умер – от язвы желудка алкогольного происхождения, как было определено на вскрытии. Мерцалов, впрочем, утверждал, что в медицинском заключении содержалась одна правдивая деталь – хрустальный шарик. Его обнаружили в сердце профессора Ио при вскрытии.

Янтарная комната

Между стеклами окон – веера, на завтра – ордена или раковины. Можно залить пространство между рамами водой и напустить рыбок, чтобы они играли с луной.

Посреди комнаты стояла стеклянная скала. Габриэлла постоянно разбивала ее серебряным молоточком, коим пользуются врачи для определения потаенных импульсов души – в коленях. Обломки отправлялись на переплавку и скала меняла цвет и очертания. В котле фарфорового паровоза – крылатый бык в сплетении с Европой – заваривался чай. В таз с голубой водой бросали магниевую таблетку. Пламенистая птица шипела в воде в безуспешной попытке запеть. По-видимому, горла в птичьем смысле феникс не имеет.

Хозяин салона называл нас саламандрами, а себя – Шкатулочником. В салоне устраивались выставки всевозможных диковинок. Со временем Шкатулочник организовал общество Друзей Прозрачных Смол, а свой салон стал называть Янтарной Комнатой. Он составлял натюрморты из приносимых мелочей и заливал их смолой янтарного дерева. Все члены общества должны были приносить в дар Красоте старинную «дребедень».

Самым верным приносителям выдавались медали из эмали и ордена из серебра. Мне была обещана серебряная цепочка с часами – эпохи Фаберже. Я писал сюжеты для натюр-

мортов, художники иллюстрировали тексты, ювелиры выделяли детали. Шкалулочник занимался доработкой деталей, монтажом и заливкой смолы в формы.

С незнакомыми Шкатулочник всегда был ласков, вкрадчив и красноречив, а в дальнейшем требователен, капризен и противоречив. Его неистребимой страстью было стремление во-что-бы-то-ни-стало золоченым словом или делом всех удивить. Каждый час своего времени Шкатулочник оценивал в пятьсот рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.